

СОЗДАНИЕ ПРЕДТЕЧ

АЛЕКСАНДР ДЭОРСЕ

УМЕРЕТЬ
ТЫСЯЧУ РАЗ

Наши там (Центрполиграф)

Александр Дзорсе

Умереть тысячу раз

«Центрполиграф»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Дзорсе А.

Умереть тысячу раз / А. Дзорсе — «Центрполиграф»,
2019 — (Наши там (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-08656-3

Не понимая, куда он попал, не понимая, чего от него хотят, Егор каждый раз находит смерть. Зачем это делают с ним, для чего? У него нет ответов. Ему хочется жить. Но чья-то воля ведёт его по неведомому пути.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-08656-3

© Дзорсе А., 2019
© Центрполиграф, 2019

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	20
Глава 3	36
Глава 4	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Александр Дзорсе

Умереть тысячу раз

© Дзорсе А., 2019

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2019

© «Центрполиграф», 2019

Пролог

– Элфус! – окликнул стоящего возле мерцающей глади воды юношу чарующий голос.

– Да?

– Зачем тебе это? Мы уйдём и не вернёмся сюда. Они смогут жить и без нас. И мы тоже сможем.

– Сможем. Но какой ценой? – Юноша смотрел на стоящую рядом с ним девушку и не узнавал её.

Говорившие были молоды и красивы. Пожалуй, эта красота была даже слишком правильной. Точёная фигура девушки, её золотистые волосы и идеальные черты лица заставляли не одно сердце биться чаще. С её именем шли на битву, и с её же именем на устах умирали те, кто даже лишь мельком её видел.

Парень же был сложен атлетически. Нет, он не был горой мускулов, всё пропорционально. Лицо его было воинственным и прекрасным, но глаза выдавали его внутреннее состояние: они были как два зелёных озера, стоило ему подумать о чём-либо приятном, или же становились карими, даже скорее чёрными, как только он задумывал что-то серьёзное. Вот и сейчас они были как два колодца тьмы.

– Молчишь? Не знаю, как будете жить вы, но я не смогу так.

– И поэтому ты решился на такой шаг? – По щекам девушки катились слёзы.

– Я всё решил. Ты не сможешь меня остановить.

– Это безумие... Неужели ты не понимаешь, что не сможешь вернуться на круг перерождения? Ты отдашь себя полностью и без остатка!

– Я знаю, на что иду! Но лучше так, чем предать тех, кто тебе верит.

– Мы не предаём! Мы пытаемся выжить! – сорвалась девушка на крик.

– А как будут жить они? Во что они превратятся? Старшие и думать не хотят о них! А ты никогда не смотрела, как у них поступает мать в случае, когда её ребёнку грозит опасность?! Молчишь? Вижу, что видела... Ну и каково тебе? А ведь для нас они дети.

– Но это не повод жертвовать своим перерождением.

– Уходи. Тебе меня не понять, а я устал объяснять. Если ничего нельзя сделать, – это не значит, что надо всё бросить. Выход есть всегда. Уходи!

Девушка резко развернулась и побежала. Она бежала туда, где стояли такие же, как она и он. Она бежала туда, где было спасенье, оставляя его на погибель. Она знала, что больше они не встретятся, никогда! То, что он задумал, было на грани безумия.

Юноша проводил её взглядом. Он ещё успел заметить вспышку, после которой все его сородичи пропали, и только после этого развернулся к водной глади озера. Хлопнув в ладоши, Элфус стал совершать замысловатые пассы руками. В этом действе ему нужно было задействовать все способы работы с энергией: жесты, мысль, звуки и слова. Прерываться нельзя ни на минуту. Надо не просто создать то, что он хотел, но и закрепить всё это там, где его не достанут. Время и пространство уже давно перемешались здесь.

Юноша уже не понимал, где он находится. Останавливаться нельзя, иначе всё будет зря. Энергия бурлила и переливалась всеми возможными красками, её было столько, что юноша уже мог коснуться её, ощущая что-то сродни прикосновению к ледяному предмету.

Уже давно Элфус чувствовал, что он находится будто на большой глубине океана, где, чтобы сделать движение рукой, нужно приложить немалое усилие. Он знал, что осталось совсем чуть-чуть. Осталось только закрепить всё то, что он сделал на определённом месте.

Когда он совершил последний пасс рукой, вся энергия влилась в здание, воздвигнутое из воды. Как такое возможно, наверное, не смог бы объяснить даже самый искусный маг мира. Но это было, и оно сейчас насыщалось водой. Как только стены здания наполнились всей собран-

ной энергией, то стали уплотняться, и вот перед юношей встал вполне обыкновенный храм, которых множество в этом мире.

Постояв какое-то время возле своего творения, юноша снова сделал пасс и вошёл в храм. Какое-то время ещё можно было наблюдать красоту и величие сооружения, но потом оно начало постепенно исчезать, пока совсем не растворилось в воздухе. О том, что в этом месте было здание или водоём, напоминала только большая впадина и множество обитателей бывшего озера.

Глава 1

Меч лежал на подставке, выделяясь среди другого оружия. На стенах висели секиры, топоры, была даже пара молотов. В углу стояли копья и алебарды, в другом – что-то наподобие японских нагинат. Ещё было совсем уж жуткое и непонятное оружие. Ну вот скажите, как можно сражаться оружием, которое похоже на уменьшенную копию косы? Или, скажем, палкой сантиметров семьдесят с загнутыми в разные стороны лезвиями? Лично я не представлял, как это происходит. Были, конечно, и мечи, но конкретно этот лежал на подставке у дальней стены.

Я сразу понял, что это самый лучший образец оружия из всех здесь представленных. Не просто же так ему выделили целую стену. Подойдя ближе, я стал рассматривать этот клинок. Изгибом он был похож на катану, но ширина лезвия – где-то сантиметров семь – десять. Рукоять, как у катаны, но длиной в два раза больше, а вот сам клинок был чуть короче, чем у той самой пресловутой катаны.

На клинке не было долов или каких-то узоров. Он был дымчатого цвета без всяких надписей, трещин, выбоин и казался девственно чистым. Только на подставке виднелись какие-то письмена. Рукоять оплетена чёрным шнурком, причём так же, как японцы оплетают рукояти своих мечей. Странный уклон в сторону Японии. Но, насколько я помню, такими клинками самураи, да и вообще азиаты не пользовались. Даже у китайцев такого меча не было. Был у них там один широкий, все их видели в фильмах о кунг-фу, но там он был одноручный. А здесь же, если взять меч за рукоять возле гарды, рукоять будет почти с руку.

Но все эти нелепости не портили очарование меча. Насколько он был красив, настолько же и опасен. По крайней мере, я так ощущал. И всё же мне очень хотелось взять этот меч себе, хотя прикоснуться к нему, пока он на подставке, не хотелось. Поэтому я пошёл искать какие-нибудь щипцы в этом странном подвале, с помощью которых я смогу снять меч с подставки.

Такие нашлись рядом с нагинатами, вернее, нашлись две палки, видимо когда-то бывшие единой и являлись шестом. Подобрал их с пола, я вернулся к мечу. Где-то с третьей попытки мне удалось снять с подставки вожденный предмет. Меч с тихим стуком упал на каменный пол. Я же, отбросив палки, наклонился и легонько дотронулся до рукояти меча. Ничего не произошло. Тогда, осмелев, уже взялся за рукоять и поднёс клинок к глазам, чтобы лучше рассмотреть его. Клинок оставался таким же, как и на подставке.

Закончив любоваться клинком, я постарался сделать пару взмахов и даже изобразил пару стоек, которые подсмотрел в исторических и не только фильмах. И вот тут меня накрыло болью. Пальцы на рукояти меча скрючило судорогой, сквозь волны боли я всё же осознавал, что всё это происходит из-за меча, но отбросить его было невозможно. В глазах потемнело, и я провалился в забытьё.

Сознание медленно возвращалось, сквозь сомкнутые веки проступал свет. Открыв глаза, я сразу же зажмурился. Открыв во второй раз, я подумал, что схожу с ума, настолько нереальной казалась картина, представшая перед моим взором. Вокруг меня стояли воины, я же находился в первой колонне, а на нас шли стройные ряды вооружённых и хорошо обученных солдат. И если в моей колонне находились люди, вооружённые кто чем, то у тех, кто шёл на нас, был виден стандарт вооружения. Первые воины шли с ростовыми щитами и копьями, так же шёл и второй строй, а вот начиная с третьего солдаты были вооружены короткими мечами и небольшими щитами. У всех хорошая броня, защищающая как тело, так и конечности. На голове был конусообразный шлем с прорезями для глаз.

У меня же в руке был обычный топор и деревянный щит, обитый железом. Из брони была кожаная куртка с металлическими нашивками, что-то вроде юбки, на которой крепились металлические пластины, как я понял, это должно защитить мой пах. Шлема не было, на одной

руке был наруч. И всё. Оглядев остальных воинов, я пришёл к выводу, что я ещё богато одет. На некоторых и такого не было. Мы были сбродом по сравнению с противником.

Прозвучал сигнал, и все бросились бежать на наступающих солдат. Я, попытавшись остаться на месте, был подхвачен толпой и уже чисто механически переставлял ноги. Окружающее нравилось мне всё меньше и меньше, захотелось проснуться. Ущипнув себя за руку, я понял, что не сплю и происходит это в реальности. Задуматься о том, как я сюда попал, мне было не суждено, произошло столкновение с вражескими солдатами.

И тут я заметил, как мне в живот летит копьё. Немного отклонившись, отвёл остриё топором. И сразу же почувствовал острую боль. В какой-то прострации я посмотрел на руку и увидел, что кисть с зажатым топором валяется рядом, а из обрубка руки хлещет кровь. Не успел я удивиться этому, как получил остриём в живот. Сознание стало меркнуть, и я ясно осознал, что умираю. Голова болела жутко, ноги, руки не хотели слушаться, а открыть глаза не было возможности. Я же умер, так почему ещё ощущаю себя? Из всех сил мне всё же удалось открыть глаза. И то, что увидел, меня не удивило: я стоял в строю.

Я попытался осмотреться, и в это время человеку, стоявшему со мной рядом, в глаз вошла стрела. Кто-то закричал. Смысл крика удалось понять по общему поведению остальных: все подняли щиты над головой. Взглянув в небо, я увидел множество стрел, летящих на нас, и мгновенно поднял свой щит.

С кем сражаемся в этот раз, мне не удалось рассмотреть, да это было и не важно. Испытать на себе во второй раз все прелести сражения мне не хотелось, но, видно, кто-то уже давно решил всё за меня. Как только закончился обстрел, прозвучала команда, и все шагнули вперёд. Шаг за шагом мы двигались на войско, стоявшее на холме. В нас периодически летели стрелы, но щиты мы не убирали, кажется, у римлян это построение называлось «черепашка».

Казалось, спустя вечность, мы достигли цели. Одна волна людской массы накатила на другую. Тут же раздались крики и стоны. Задние ряды напирала на передние. Передние гибли или от клинков врага, или от своих же товарищей, когда падали и не могли подняться и их затаптывали.

Когда между мной и противником оставалось всего два ряда, я сообразил посмотреть, что у меня есть из оружия. Меч, кинжал и щит. Броню разглядеть не успел – два ряда воинов полегли.

Нацеленное в меня копьё отбил щитом, и сразу же пришлось парировать удар меча. Чуть отклонив его в сторону, попытался достать противника мечом. Глупо. Забыл о копьё! Боль в ноге и усиливающееся головокружение сообщили мне, что я серьёзно ранен. Сквозь слёзы и слабость пытаюсь пожить подольше. Блокирую мечом нацеленный в голову удар топором. Опять глупо.

Стою на холме, впереди простирается лагерь. Вражеский, понимаю я. В этот раз в сознание пришёл быстро. Удивляться тому, что опять очутился в строю, не было ни сил, ни желания. В сознании ещё стойко ощущалась боль от второй смерти, что странно, на теле ран не было, но всё равно они болели. Боль была жуткой, но умирать ещё раз не хотелось, поэтому приходилось делать огромные усилия и оставаться в строю. Упаду – затопчут свои же.

В этот раз бой начался с конной атаки. Лавина закованных всадников врезалась в построение далеко на правом фланге. Быстро продвинуться к штабу ей не удалось: завязла в людской массе. Как только кавалерия отступила, последовал обстрел из луков. Теперь всё намного серьёзнее, подумалось мне.

Прозвучал сигнал, и, опустив копьё, мы двинулись плотной шеренгой на врага. Со стороны неприятеля заработали катапульты и баллисты. Мы хоть и были на холме, но враг оказался не лыком шит. Его основные силы также находились на возвышенности, и оттуда по нам вёлся обстрел. Нам же предстояло сойтись в схватке с врагом в низине.

Спустившись на середину холма, мне удалось рассмотреть вооружение воинов противника. В основном там преобладали короткие мечи и щиты, прикрывающие локоть. Но были и воины с двуручными мечами, они стояли впереди строя, затем шли воины с короткими мечами, а следом – арбалетчики и лучники, коих с флангов прикрывали копейщики.

Зачем нужно было такое построение, я понял в первое же мгновение, как только мы сошлись в битве. Воины с двуручными мечами легко делали щели между нами, перерубая древки копий. В эти щели сразу заскакивали воины, вооружённые короткими мечами. Это было хорошим тактическим ходом. Все мы со своими копьями только и могли стараться, чтоб не получилось таких щелей, иначе противник вырезал наших десятками, прежде чем его убивали. Суматоху ещё приносили стрелки, которые методично отстреливали самых опытных или просто посылали тучи стрел на задние ряды, из-за чего сбивался строй.

В этот раз я пожил намного дольше, но пущенная кем-то стрела вошла аккурат под подбородок. Упав, я ещё долго находился в сознании, медленно умирая и видя, как противник теснит наши ряды...

Где-то после пяти таких битв я пришёл в сознание в подвале, куда забрёл по своей глупости. Тело болело ужасно, но ещё больше болели места, в которые мне были нанесены смертельные раны. Кое-как повернувшись на бок, я увидел, что меч валяется в стороне. Всё-таки удалось отбросить эту чёртову штуковину.

Встать мне получилось, по ощущениям, часа через два. И тут же захотелось уйти от этого места подальше. Собрав свои вещи, коих было немного: фляга воды, наполовину пустая, брезент, кое-какая еда, всё упаковано в небольшой, но удобный рюкзак, и доковыляв до выхода, я буквально вывалился из подвала на свежий воздух. Но расслабляться рано, хотелось как можно дальше уйти от этого места.

Когда я прошёл метров сто пятьдесят, накатила слабость, тело стало будто выворачивать наизнанку. От лёгкого ветерка, который чуть шевельнул мои волосы, прошла адская боль. Каждый волос ощущался как спица, воткнутая в моё тело. А потом сознание померкло.

Очнулся я от осознания того, что бегу. Оглядевшись, понял, что бегу в компании нескольких человек, но куда, мне было не известно. Внезапно один из отряда остановился и, вскинув лук, попытался выстрелить. Не удалось, кто-то был быстрее, и белая как снег стрела вошла человеку прямо в сердце, пробив кольчугу.

– Х’рид! – крикнул воин, бежавший справа от меня, и все побежали ещё быстрее.

Бежать по лесу, скажу я вам, ещё то занятие, но, подгоняемый страхом, что могу умереть, я не сбавлял скорости ни на секунду. Вскоре усталость подкатила со страшной силой, бежал я уже на автомате. Мои спутники выглядели не лучше меня. За то время, что я находился в этом сражении, мы успели потерять ещё троих, но противников я так и не увидел. Смерть в виде белых стрел каждый раз появлялась из ниоткуда.

Долго так убежать мы не могли, даже я понимал, что с нами или играют, или куда-то гонят, точнее, загоняют. Куда – узнавать не хотелось. Явно такие же мысли были и у главного в отряде. Он, резко остановившись, что-то выкрикнул, и все воины, коих со мной осталось семеро, встали в круг.

Стоя в кругу, я смотрел на свой участок леса и старался увидеть или, скорее, почувствовать врага. Не удалось. Умер я от стрелы, влетевшей мне в глаз...

Опять я куда-то бегу, но уже по степи. В руке копьё, на бедре болтается меч и очень мешает при беге. Подумываю бросить копьё, но, повернув голову, замечаю скачущих всадников, и мысль бросить оружие сразу же ретировалась.

Бегу я в компании трёх воинов. Один из них вооружён двумя мечами. Слабо поможет против конных. Двое других в руках держат копьё, а на спине висит щит. Ножен с мечом у них я не заметил.

Всадники догнали нас быстро, что примечательно – у них не было луков. Меня это очень обрадовало, думал, противники окажутся классическими степняками, с луком и арканом.

Я ошибся насчёт того, что двумя мечами невозможно сражаться против конных воинов. Кочевники, видимо, тоже ошиблись, так как воин подскочил к ним и двумя, казалось, слитными движениями вонзил клинки каждому в бок между сочленениями доспехов. Всё, они теперь не бойцы.

В это время один из кочевников накинута на воина со спины. Как они так умело управляли лошадьми, что не мешали друг другу, я не успел додумать, так как несколько степняков направили своих коней на нас. Свистнула плеть, и один из копейщиков схватился за лицо. Отпрыгнув в сторону, я избежал участи быть ослеплённым. Выставив перед собой копьё, как рогатину, я старался не подпустить к себе противника, коим оказался молодой парень, гарцевавший передо мной и, казалось, издевавшийся, ударяя кнутом рядом со мной. Скорее всего, так и было.

Разозлившись на себя, я попытался при очередном ударе намотать кнут на копьё. И – о чудо! Мне удалось! Недолго думая, я рванул копьё на себя, но так, чтобы наконечник прошёлся по кнуту. Противник, не ждавший от меня такой подлянки, еле удержался в седле. Я же, чтобы развить успех, прыгнул поближе к всаднику, но только и успел заметить, как закружилась земля и как странно вращается небо, а потом увидел, как падает моё тело. В сознание пришла мысль, что меня обезглавили...

Очнулся я с ужасной болью, болело всё. Превозмогая головокружение, как от потери крови, выбрался из подвала и дотащился до обнаруженного мной родника. Я не просто припал к воде, я упал в родник и, не поднимая головы, стал жадно пить, пока хватило дыхания. Потом кое-как встал и побрёл обратно. Каким-то внутренним чувством я ощущал, что в реальности мне находиться осталось недолго.

Что самое интересное, войдя в подвал, я попал в свой самый первый бой. Даже стоял там же и в том же вооружении, и мне вспомнилось всё до мельчайших деталей. Как такое возможно? Очень просто: когда ты умираешь, почему-то запоминаются именно всякие мелочи.

«Это что, работа над ошибками?» – лишь подумал я, как сразу началась атака.

Во второй раз в моем первом бою продержаться мне удалось чуть дольше, но всё равно точным ударом меча мне пропороли живот. Я умер, уже в который раз! Вот так и повелось, что после пяти – семи боёв приходил в сознание и шёл пить воду, а возвращаясь, опять проваливался в море крови, боли, криков и сражений. Бывало, возвращался в «старые» бои, это приносило некоторые плоды – убивали меня тогда не так быстро. Но всё же убивали.

Где-то после сотого боя я стал задумываться, почему же я чувствую боль, когда прихожу в себя? Вроде, проваливаясь в сражения, я как бы попадаю в виртуальную реальность и при ранении чувствую боль. Но как тогда объяснить боль, которую чувствую, приходя в себя? Где-то я слышал, что если человек не видит, а точнее, не знает, что льёт себе на руку горячую воду, то он не чувствует боли. Возможно ли, что вся эта боль – результат моего воображения? Возможно, но как избавиться от этого?

А в это время мои бои стали идти в смешанном порядке. Иногда я сражался один против нескольких противников, иногда участвовал в штурме городов, брал баррикады, спасался от лучников и воевал против степняков. Бывал командиром десятка, был расходным материалом, который бросали на закованных в железо воинов. Я принимал на рогатину несущихся рыцарей, сражался копьём, мечом, кинжалом, мне приходилось стрелять из лука и арбалета, метать кинжалы и даже бола. В сражении я использовал всё, что можно. Мне не хотелось умирать.

Иногда мне удавалось быть победителем, и тогда следующий бой был труднее предыдущего. А потом я возвращался в бои, где умирал, и начинал снова бороться за свою жизнь там, где я уже проиграл, и, бывало, не единожды. Но вот проклятым мечом, из-за которого всё это началось, сражаться мне пока не приходилось.

Счёт боям я уже давно перестал вести. Просто с каждым разом замечалось совсем другое. Например, мне было намного важнее знать: если я попадал в отряд, то кто каким оружием владеет и какая польза мне будет от него. Ещё – сразу же пытался предугадать тактику противника или его навыки сражений. Как правило, это спасало мне жизнь, что не могу сказать о моих товарищах по бою. И если так происходило, то меня заставляли ещё раз вести этот бой до тех пор, пока не выживет хотя бы половина отряда. А я всё чаще задавался вопросом: зачем мне это и как такое возможно?!

Что примечательно, боль я научился глушить где-то после пятисот боёв. И главное, не только когда приходил в себя, но и во время сражения. Что несказанно меня радовало, так как, получая не очень смертельное, но ранение, чаще всего отвлекался я на него и из-за этого погибал.

Первый раз я увидел врагов, когда в один из боев мне в руки попал проклятый меч. Тогда нас было почти пять десятков, а их – всего двадцать, двадцать вестников смерти, как я понял из обрывков разговора. За всё время, что я сражался, я выделил около двух десятков языков, и мне удалось научиться понимать их и даже более-менее сносно на любом отдавать простые команды. И вот из всех обрывков разговора я понял, что это очень сильные противники.

Разглядеть мне их удалось только мельком. Все были одеты в зелёные плащи. На голове низко опущенные капюшоны, ростом примерно метра два. Движения плавные и, казалось, грациозные, но меня уже было не обмануть. Это движения хищника, и очень опасного.

Появились они перед нами неожиданно, просто: вот пустая дорога по лесу – а вот уже перед нами двадцать существ, умудрившихся незаметно появиться перед нами. Постояв секунд двадцать, они вдруг вскинули руки, и в нас полетели стрелы, ножи и даже сюрикены. Первому ряду не повезло, им даже не дали шанса продать жизнь подороже. И пока второй ряд находился в оцепенении, противник ринулся в ближнюю атаку.

Вот теперь я сразу понял, почему их называли вестниками смерти. Всего пять существ смогли в считанные секунды умертвить десяток человек. Сражались они какими-то тонкими изогнутыми мечами. Причем все, ВСЕ были обеерукими. Проклятый меч сам прыгнул мне в руку, и краем сознания я отметил, что у него великолепный баланс.

Когда они достигли меня, я был готов продать жизнь очень дорого. Мне достался крайний противник, он, снеся мечом голову одному воину, сразу же попытался левой рукой достать и меня. Но я к чему-то подобному был готов и поднырнул под его руку, увернувшись от укола в спину его правой рукой, так как в ней он держал меч обратным хватом. Меня не удивило это, как-то приходилось сражаться с каким-то народом, где встречались такие умельцы. Следующий его выпад я отклонил наручем и, немного приблизившись, выкинул руку, будто наносишь колющий удар копьём. Мой противник ухмыльнулся, но потом осознал свою оплошность. Ведь то, что клинок был коротким, ни о чём не говорило – длины рукояти хватало, чтобы вспороть живот этому вестнику. Я ещё успел разглядеть удивление в небесно-голубых глазах этого существа, прежде чем ощутил, как сразу четыре меча пробили мою грудь. Из последних сил, кроша о мечи свою грудную клетку, с разворота я смог нанести удар. И, уже падая, заметил, как вместе со мной падают и два обезглавленных тела. Минус три.

С тех пор я стал всё чаще сталкиваться с этими созданиями. И каждый раз, когда я их встречал, в руках у меня был меч, из-за которого всё и началось. А ещё мне казалось, что они всегда стараются убить меня первым из всех. Такое положение стало немного нервировать, но приблизительно после сотой встречи уже перестаёшь обращать на это внимание.

Теперь я уже довольно сносно говорил на трёх языках и мог отдавать приказы воинам, но вот в чём проблема: меня не слушали, даже когда я был старше по званию или по положению. Понимание пришло после десятой смерти – я просто не умею командовать.

Когда же у меня получилось, то я не сразу осознал, что воины прислушиваются к моим словам и выполняют мои требования. Вот вроде только что тебя ни в грош не ставили, и вот уже исполняют твои приказы. И получилось это как-то неожиданно: когда десятник отдал, на мой взгляд, не самый умный приказ, я высказал всё, что о нём думаю. Десятник попытался возразить, но я взглянул ему в глаза, а в голове вертелась только одна мысль: «Что ТЫ можешь противопоставить МОЕМУ ОПЫТУ?!»

После того случая я стал чаще попадать в бои, где был десятником, сотником, а иногда и тысячником. А ещё изменились бои: теперь я всё чаще сражался с разными народами и расами. Было и такое, что я бился с демоном. Ничем другим это существо быть не могло: трёхметрового роста, с красной чешуёй вместо кожи, кожистыми крыльями и мерзкой рожей...

Я бежал по лесу в сопровождении четырёх человек. Посмотрев на своих спутников, понял, что в этот раз меня забросило в какое-то дикое племя или, скорее, в очень далекое прошлое. Из всего, что на них было, – это набедренные повязки, ожерелья из костей и в руках копья. Впрочем, я не далеко от них ушёл. По тому, что я бежал первый, стало понятно, что я главный. Это не первое моё «посещение» таких племён, и, как с ними себя вести, я уже знал. Им нельзя показывать свою слабость или трусость – съедят в полном смысле этого слова.

В таких племенах съесть печень или сердце поверженного врага – дело обыденное. Теперь бы выяснить: мы идём на охоту или воевать? Если на охоту, то надо искать следы, если воевать, то с кем? Очень не хочется напороться на колонну хорошо обученных солдат. Надо отдать должное, мои смерти очень хорошо учат. Когда я первый раз попал в такое племя и не смог прочесть следы, меня убили быстро и без затей – камнем по голове. Во второй раз мы пошли на охоту, и добычей должен был стать какой-то полумедведь-полутигр, как итог – добычей стал я. Было больно. Очень.

Сейчас же мы бежали по лесу, больше напоминающем джунгли, и отвлекаться не стоит, так как в любой момент я могу либо нарваться на хищника, либо получить копьём в бок.

– Гриви! Гриви! Аг выр тад! – вдруг выкрикнул один из четвёрки.

Плохо, если я снова ошибусь, могу умереть не самым приятным образом. Значит, всё же идём на охоту. Надо как-то их отвлечь, а то в самый неподходящий момент умру не от клыков зверя.

На поляну мы выбежали минут через пять. И вот тут мне стало страшно. Перед нами стояло существо трёхметрового роста. С когтями величиной с человеческую ладонь, вместо кожи – красная чешуя, за спиной сложены крылья. Намётанный за прошедшее время глаз сразу отметил, что крылья скорее способ защиты, нежели передвижения.

«Демон!» – пронеслась мысль, но сразу же была задумана, так как думать буду потом, сейчас надо действовать.

– Фта гры! – командую своим, и они сразу же разбегаются в разные стороны.

В ближний бой вступать смысла нет, руки демона слишком длинные, чтобы можно было подойти ближе. Вот если бы заманить его в лес... Но чувствую, не пойдёт.

Демон раскрыл свои крылья, на концах которых выступили костяные жала, а вот на хвосте, к счастью, жал не было. Всё это я отмечал подсознанием, так как в это время вместе с остальными охотниками перемещался по поляне.

– Вгыр! – выкрикнул я, и двое, достав пращи, стали методично обстреливать демона камнями.

Урон не нанесут, но хоть на время отвлекут. А мне надо нанести удар. Точнее, два удара – первый и последний, таков негласный закон: если ты опытнее, то надо первым ударом глубоко ранить, чтоб молодняк смог измотать противника, а вторым добить, так как ты сильнее и опытнее.

Не забывая смотреть по сторонам, я начал приближаться. В сущности, я даже не представлял, что противопоставить такой махине. Но знал, что, умерев, я всё равно вернусь в эту

битву. А умирать мне не хотелось, так как это приносило невыносимую боль. Демон, прикрывая руками глаза, казалось, насмешливо рыкнул и атаковал. В последний момент мне удалось достать меч и полоснуть им по руке противника. После удара моментально делаю кувырок в сторону. Поднявшись, замечаю, что демон удивлённо смотрит на свою руку, по которой из оставленного мной пореза течёт серая жидкость. Его замешательство длилось несколько секунд, а потом раздался оглушительный рёв.

Моментально заложило уши. Прикрыв их руками, я ощутил липкую влагу. «Кровь», – пронеслась мысль. Но стоять на месте не стоит. Делаю шаг вперёд и пытаюсь нанести колющий удар. Демон уклоняется, но я тут же получаю удар хвостом. Краем глаза замечаю, как в мою сторону направился один из пращников. Правильно, если он первый меня добьёт, то ему и быть старшим среди воинов. Да вот только шиш ему, так как удар я принял правильно, даже ничего не сломав себе. А боль я могу и перетерпеть или вообще отключить. Умирая столько раз, я многому научился.

Копьё я отклонил и несильным ударом под дых указал этому выскочке, кто главный. Рыкнув на него, выбрался из зарослей. Демон поедал одного из охотников, а от второго лениво отмахивался хвостом. Третий же, увидев, что я выхожу из зарослей, приостановил свой бег.

Скомандовав, чтобы никто не приближался, я поднял копьё и стал подходить к демону. Старался со спины, но каждый раз, как я делал шаг вбок, демон поворачивал морду, продолжая поглощать свою жертву. Когда я уже отчаялся приблизиться к нему, один из охотников попытался ударить демона, пока тот наблюдал за мной. Демон обернулся и разбил голову молодому охотнику, что мне было на руку. Воспользовавшись тем, что демон отвлёкся, я, быстро сократив расстояние, вонзил меч ему под рёбра и резко пригнулся, уклонившись от удара его лапы, а потом перекатом ушёл от попытки раздавить меня. Не упуская возможности, я полоснул противника мечом по ноге, перерезая, как мне показалось, сухожилия. Откатившись ещё пару раз, я встал и приготовился отражать атаки. Демон же, подогнув раненую ногу, вяло отбивался от охотников, пытавшихся достать его копьями. Отдышавшись, я ринулся помогать им, и мне удалось подрезать сухожилия на другой ноге демона. Он упал, и добить его уже не составило труда, правда, погиб ещё один охотник, неосторожно попавшийся под удар хвоста.

Потом мы с оставшимся охотником приступили к естественному в таких случаях ритуалу: похоронили погибших и моим мечом разрезали тушу демона, чтобы достать его печень и сердце. Существовал такой обычай у племён: мне придётся их съесть, так как именно я убил демона и я старший среди охотников.

Сердце я нашёл быстро, а вот с печенью возникли проблемы, их у демона оказалось две. Недолго думая, я решил съесть обе. Увы, отказаться от поедания органов я не мог в силу того, что если не сделаю этого, то буду раз за разом возвращаться сюда, а мне этого очень не хотелось.

Только после того, как я всё съел, понял, какую ошибку совершил. Меня настигла БОЛЬ. Еле устояв на ногах, сквозь брызнувшие слёзы я увидел, как ко мне направился последний охотник. По его лицу я понял, что жить мне осталось немного. Охотник увидел, что мне стало плохо, и решил воспользоваться возможностью возвыситься, убив меня. Из последних сил, преодолевая боль, я метнул в него меч и потерял сознание.

Очнулся в постели. Неужели я в больнице? Нет. С грустью я стал рассматривать стены землянки и соломенный потолок. Моё занятие прервала девушка, склонившаяся надо мной. Она быстро стала надавливать своими пальцами на разные участки моего тела. Её прикосновения были отнюдь не всегда приятны.

Попробовав привстать, я натолкнулся на укоризненный взгляд зелёных глаз, и уже не смог оторваться от них, меня словно стало затягивать в омут. Тряхнув головой, я решил заговорить с девушкой. Минут через двадцать сдался, перепробовав все языки, которые знал и смог выучить во время своих «путешествий». Девушка же, видя мои попытки или просто поняв моё желание, что-то изобразила руками.

– Ты меня понимаешь?

Она отрицательно помотала головой.

И тут меня словно пыльным мешком ударило по голове: она глухонемая! Дальнейшее наше общение можно было свести к «моя твоя не понимать». Все её жесты для меня были как начертательная геометрия для художника – вроде и понятно, но не до конца.

Первый день я провалялся в постели, размышляя о том, почему я попал сюда, настолько уже стало привычно попадать на поле боя, в сражения. А тут вдруг – аналог местной лечебницы. Или это сбой в программе, или же мне надо здесь чему-то обучиться. А чему я могу выучиться в больнице?! Вопрос, так сказать, риторический. Придя для себя к определённом выводу, я спокойно уснул.

На следующий день, как только появилась моя докторша, я для начала постарался запомнить всё, что она делала со мной: куда и как надавливала пальцами, какого цвета и из каких склянок мазала места повреждений. И как бинтовала.

Докторша, надо отдать ей должное, на третий день заметив мой интерес, позвала меня с собой, так как я уже, хоть и с трудом, но начал ходить и по её жестам понял, что ходить надо как можно больше. Я последовал за своей целительницей.

Оказалось, что лечит она не только меня, но и ещё двоих человек. У одного был открытый перелом ноги, у второго – какая-то лихорадка.

Подождав, когда я подойду к первому больному, девушка принялась за его лечение, показывая мне, что и как следует делать. А начала она с того, что чем-то протёрла вокруг раны, после чего лицо пациента изменило цвет с бледного на розовый. Указав мне на эту мазь, она ущипнула себя и изобразила на лице улыбку, вроде как ей не больно. Понятно, это что-то вроде анестетика. А дальше началась рутинная работа по вправлению и зашиванию ноги...

Уже два месяца я живу у своего доктора, попутно изучая лекарскую премудрость. Первое время было очень тяжело, так как понимал с пятого на десятое и не всегда правильно. Девушка не могла мне нормально рассказать о том или ином действии, а уж о действии мазей я мог только догадываться. Что примечательно, за это время я всё лучше стал понимать мою целительницу. Но вот её имя я так и не знал.

Девушка жила в лесу, километрах в трёх от деревни, насчитывающей до ста дворов. Жила за счёт того, что лечила деревенских, которые расплачивались с ней едой, утварью или инвентарём. Плату назначала она, в зависимости от потребности. Клиентов хватало, а судя по тому, что жалоб за всё моё время пребывания здесь не наблюдалось, лекаркой она была хорошей. Ко мне сначала отнеслись с подозрением, но через месяц не обращали на меня внимания. А потом даже стали доверять лечить лёгкие травмы.

Когда мне уже казалось, что переносов больше не будет, меня выдернуло на глазах у лекарки. Пришёл я в себя быстро, привык наверное. Оглядевшись, понял, что нахожусь в каком-то заболоченном краю. С собой у меня был меч (всё тот же пресловутый), рюкзак, в карманах брюк и жилетки – вся мелочь, которую я брал в поход. Да я даже одет был в камуфляж, в котором залез в чёртов подвал.

Всё это меня немного огорчило, так как брони на мне не было. Да и непонятно, почему я оказался в своей одежде со своими вещами. Сверившись с одной из лун, я пошёл на юг вдоль небольшой речушки. Такие вещи, как две луны, меня не смущают уже давно, да и некогда смущаться или задумываться об этом, выжить бы.

Ближе к вечеру наткнулся на стоянку разумных. Вокруг кострища были разбросаны кости животных, какие-то лохмотья и даже грубо сделанный котелок. Обойдя всё и тщательно проверив все ближайшие кусты, принялся за осмотр лохмотьев. Увы и ах, ничего ценного в них не нашёл. Пусть у меня с собой и было много чего полезного, но за время своих «командировок» я привык не разбрасываться мелочами.

Потоптавшись ещё какое-то время, продолжил путь. До темноты так и шёл вдоль речки. Всё чаще стали попадаться кострища, но такого бардака, как на первом встреченном, не наблюдалось. Когда совсем стемнело, расположился на ночлег, соорудив лежанку из листьев и расстелив на них спальный мешок.

Ночь прошла спокойно. Проснувшись, пошёл умываться. И вот тут меня ждал сюрприз. На меня смотрели маленькие зелёные человечки с большими глазами и ушами, похожими на лопухи. «Гоблины», – пронеслось в голове. Если мне не изменяет память, в одной из моих «командировок» мне рассказывали о них.

Живут гоблины в Озёрном крае, кланово. Миролюбивы, но в голодный год могут напасть на одинокого путника. Питаются рыбой, выловленной в озёрах и впадающих в них реках, и ягодами, которые очень ценятся у пивоваров, и гоблины обменивают их за бесценки на понравившиеся предметы или вещи. Социального строя как такового не имеют, но вожди есть. Селятся, что странно, на деревьях, выросших в озёрах или широких реках, реже в болоте. От других такие деревья отличаются тем, что их ствол немного приподнят над водой, в то время как корни уходят в воду и дно. Если провести аналогию, получается, что корни – это сваи, а крона дерева – площадка, на которой располагается различного вида живность. Высотой гоблины не больше метра, с длинными руками, примерно до колен, и немного согнутыми ногами, что позволяет им очень неплохо прыгать. Бегают они тоже хорошо. Из нижней челюсти выпирают клыки, а во всём остальном они похожи на мастера Йоду из «Звёздных войн».

Пока я пятился к своим вещам, в руках гоблинов появились заострённые палки. Это меня обрадовало. В случае конфликта больше шансов остаться целым. Почему-то ничего хорошего я от них не ждал. И действительно, они кинулись на меня, и одного я сразу разрубил пополам. Но их оказалось очень много. И ещё одно открытие, которое я сделал для себя: гоблины умели прятаться. И пусть они не умели сражаться, но металы заострённые палки превосходно. Умер я от попадания такой мне в бок.

В себя я приходил минут двадцать, что было очень странным. Когда наконец удалось открыть глаза, то перед моим взором предстал потолок дома лекарки. Вот те раз! Почему не подвал?

Лекарка склонилась надо мной и как-то сочувственно посмотрела. Я покивал, давая понять, что со мной всё нормально. Но у девушки на это лишь потекли слёзы. Так. Что-то тут не то!

Привстав, начал оглядывать себя, и тут взгляд наткнулся на то место, куда попала палка. Вместо привычной белой кожи была окровавленная рана, из которой вытекала кровь. Боль я уже давно отключал автоматически, поэтому и не обратил внимания на такую «мелочь».

– Надо что-то делать! Ты сможешь? – по привычке спрашиваю я у лекарки, посмотрев на неё, и в ответ получаю утвердительное кивание.

– Сильно меня? – вырывается не тот вопрос, который хочется задать.

Девушка лишь смахивает слёзы и показывает на пальцах, что-то, типа, жить мне осталось мало, но умру я не в муках, так как боль она уберёт. Настроение ползёт семимильными шагами вниз. Столько раз умереть на поле боя и всё равно жить, а тут от какой-то палки! Может, у меня, как в игре, закончилась жизнь? А какой запас этих жизней у меня вообще был? А если был, то, может, их можно восполнять? Вопросы появлялись один за другим.

Пока я предавался размышлениям, лекарка принесла кучу бинтов, котелок горячей воды, таз и кучу склянок. Сгрузив всё это возле моей лежанки, она принялась снимать с меня одежду. Когда даже штаны были сняты, несмотря на все мои протесты, девушка, налив в таз воды и добавив туда чего-то из тёмного серого пузырька, принялась обмывать рану. Проведя мокрой тряпкой возле ранения, лекарка застыла, выпучив глаза, скосив взгляд на рану. Мои глаза, так же, как и у девушки, стали выплзывать наружу. Мало того что края раны сами стягивались, так

ещё на том месте, где должна быть рана, появлялась розовая кожа. Но в ещё больший шок меня вогнало то, что кожа появлялась в форме чешуйки, но как только чешуйка сформировывалась, она будто таяла и становилась продолжением или уже частью кожи. А следом исчезал и контур чешуйки. Минут через пятнадцать о ране напоминала только девственно чистая розовая КОЖА. От такого шока, я даже не нашёл ничего умнее, как взять тонкую спицу и уколоть себя в то место, где была рана.

– Ай! – дёрнулся я после того, как меня уколола уже лекарка.

– Это что же?! Получается, у меня улучшилась регенерация? Или правильнее говорить – увеличилась?!

Следующие дни я провёл под наблюдением лекарки. Имя её я так и не узнал и решил называть её Ликой. Кое-как объяснив ей это, наткнулся на счастливый взгляд. Девушка ни на шаг не отходила от меня, окружив заботой и вниманием. Не забывала лекарка и о пациентах, коих с моей помощью удавалось излечить достаточно быстро. Так прошла неделя.

Очнулся я опять в Озёрном крае и опять на пресловутой поляне. Работа над ошибками, чтоб её. Оглядев себя и свои вещи, решил подстраховаться и сделать себе доспех. В одном из племён, в которое меня забросило, мне как-то пришлось носить деревянные доспехи, сделанные из твёрдой породы древесины. Они хоть и бесполезны против мечей и копий, но давали несколько мгновений, чтоб умереть достойно, унеся с собой и врага.

Доспех представлял собой дощечки толщиной с полсантиметра, шириной три сантиметра и длиной сантиметров пятнадцать. Всё это крепилось с помощью верёвочек наподобие бригантины. Вот таким замысловатым доспехом я и решил себя обезопасить. Пусть это всего лишь видимость, но гоблинские палки, может, и остановит.

На создание доспеха я потратил весь день, используя моток верёвки и множество веток. Ветки приходилось раслаивать и ножом вытачивать необходимые мне дощечки. Идею делать такую работу мечом отбросил, как кощунственную. Верёвку пришлось резать и расплетать. Доспех получился похожим на бронезилет. Делать защиту на руки и ноги я не решился в целях экономии времени. Мне нужно было ещё отыскать гоблинов и понять, что мне делать: убить их или же стать им другом.

Но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает. Гоблины нашли меня быстрее. И из этой встречи не вышло ничего хорошего. Я даже не успел что-либо предпринять. Сначала прилетели палки, а потом на меня напало около двадцати зелёных коротышек. И насколько бы хорошо я за всё время моих сражений ни научился владеть мечом, меня просто задавили числом...

Очнулся я в доме Лики. Меня это даже обрадовало. Как-то уже привык к этой девушке. И пусть многие в наше время назовут её инвалидом из-за её немоты, но для меня это ничего не значит. За месяцы, проведённые с девушкой, привязался я к ней. Да и она очень красива.

Девушка сидела возле моего лежака и смотрела на меня. По её щекам текли слёзы, а у меня от этого защемило сердце. Ну почему? Почему я не встретил ТАКУЮ девушку там, в прошлой жизни?!

Вот, уже есть ЭТА жизнь и прошлая. Получается, я смирился с тем, что со мной происходит? Видимо, да.

Лица, увидев, что я очнулся, убежала и притащила кучу склянок и тазик с тёплой водой. Как только всё было расставлено возле моей койки, она с сознанием дела стала стаскивать с меня одежду. Я помогал, как мог. Но никакие бинты и мази не понадобились. Когда Лица обмыла водой раны, мы стали наблюдать знакомую нам картину: опять края раны стягивались, а кожа на месте ран на время превращалась в чешую.

Как только всё зажило, Лика жестами показала, что намерена намазать места ран обеззараживающей мазью. На мой немой вопрос: «Зачем?» – мне был дан ответ, сводившийся к тому, что мало ли, может, я подхватил какую-то болезнь, из-за чего кожа меняется.

После того как я был фактически полностью обмазан обеззараживающей мазью, Лика ушла готовить обед.

Неделю я приходил в себя, по мере сил помогая лекарке и снова учась у неё. Теперь она больше доверяла мне, учила, как составлять зелья и разбираться в растениях, различать, какие из них лечебные и в какое время, а какие – просто трава. Также мне показывала разные точки на теле, при нажатии на которые можно отключить подвижность частей тела или, например, уменьшить чувствительность. Кажется, у нас это называется акупунктура. Хотя и не совсем точно, так как в акупунктуре в нужные точки вводятся специальные иглы. А Лика всё делала пальцами. При мне она у пришедшего к ней крестьянина одним нажатием пальца в основание шеи отключила боль в пострадавшей руке. Я бы даже сказал, она как бы отключила всю руку. Однажды я попросил её проделать такое со мной, и понял, что руку я не ощущаю совершенно. И вот получается, что если нажать на ту или иную нужную точку на теле человека, то можно отключить определённый орган или часть тела. По мне, так очень нужное знание.

Через неделю я опять попал к гоблинам, и ничего хорошего из этого не вышло. Когда я убил коротышек, меня выбросило обратно в дом лекарки. Тогда-то я совершенно уверился, что придётся как-то подружиться с коротышками. Но как, я понятия не имел.

Шанс выпал на шестое посещение их края. Очнувшись, быстро провёл ревизию и побежал в северном направлении. Чего-чего, а физической подготовки мне теперь не занимать. За всё время, что я сражался, тело моё окрепло, выносливость увеличилась многократно, если сравнивать с тем городским парнем, каким я был до попаданий.

Вот как бывает причудлива судьба: сменил направление – и сразу же появляется повод для дружбы. И сейчас я наблюдал, как один гoblin, прижавшись спиной к огромному камню и выставив перед собой свою палку, пытался отбиться от крокодилоподобного существа. А существо и впрямь было похожим на крокодила, разве что лапы у него были немного длиннее и тело оно не волокло по земле. Хвост существа украшали иглы величиной с палец, а на конце был костяной нарост. Голова, как ни странно, была вполне крокодилья. Размера крокодил был приличного, не знаю, может, с теленка, а может, нет. Бывал я в деревне, и скажу честно: телята разные бывают!

То, что гоблина съедят, если я не вмешаюсь, это очевидно. Но как мне спасти этого коротышку, не представляю. У меня из оружия только меч, доспехов нет. Один укус этой твари – и мне хана. Действовать надо быстро.

Сбросив с себя рюкзак и подобрав рядом валявшийся камень, направился к «крокодилу». Бросок камня немного ошеломил зверюгу, чего я и добивался. Быстро, насколько мог, сблизаясь с тварью и наносу косой удар по глазу. Удачно! Зверь заорал, наверное, матом, если он есть у зверей. Мой удар лишил «крокодила» одного глаза, а вот подвижности – нет. И иглы со своего хвоста этот «телёнок» метал очень хорошо.

Судя по всему, как только «крокодила» я отвлек на себя, гoblin сбежал. Я же то прыгаю, то кувыркаюсь, так как даже с одним глазом зверь очень подвижен и, видимо, намерен расквитаться. После очередного метания игл ухожу в пережат к зверю и, как только оказываюсь рядом, наносу колющий удар, который получился в шею, так как тварь успела увернуть голову, но, когда я выдернул меч, тварь конвульсивно дёрнулась и повалилась на бок.

– И всё? Странно! – оглядываюсь я в поисках возможных её товарок, но натываюсь лишь на благодарный взгляд гоблина, лежащего у камня.

Как оказалось, гoblin не сбежал, а просто от усталости повалился в траву. А так как цвет кожи гоблинов такой же, как и у травы, разглядеть его во время боя я не смог.

Дальнейшее развитие событий можно описать как братание и уверения в вечной дружбе, посещение гоблинского клана и проживание у них в качестве наставника.

Пока я жил у гоблинов и обучал их некоторым премудростям жизни, то всё чаще и сильнее скучал по лекарке. Трудно признаться, но я всё-таки влюбился в это зеленоглазое чудо. Я тосковал и часто вспоминал её улыбку, её тёмные локоны, её стройную фигурку и нежные руки. И ведь она меня ждала после первого моего исчезновения, а когда я появился, снова стала лечить...

К Лике я вернулся только через год. И что больше всего меня обрадовало – что она меня ждала. Не в силах скрывать свои чувства, подбежав к ней, я подхватил любимую на руки и стал кружить. Пусть не раздалось ни одного визга или звука, но, глядя в её глаза, я видел в них чувство радости. Ночь была бурная.

Наутро, разбудив Лику, я, как мог, объяснил ей, что со мной происходит. Уж за всё то время, что с ней нахожусь, худо-бедно, но общаться с ней научился. Лика лишь тяжело вздохнула после моего рассказа и попросила не пропадать, и тем более не умирать.

– Обещаю, что буду с тобой! И не брошу тебя! – честно сказал я.

Глава 2

К гоблинам я стал попадать через определённый отрезок времени. Так, для меня мог пройти всего лишь день между посещениями, а у них – год или даже десять лет. Вот ещё одна загадка на мою голову. Каждый раз, когда я возвращался к ним, приходилось тратить очень много времени, чтобы узнать все произошедшие события за время моего отсутствия. А потом чем-то помогал гоблинам, как правило, это заключалось в том, что я давал советы, тренировал воинов или помогал в торговле.

Научить торговать гоблинов была моя идея, о которой я ничуть не жалею. Вышло так, что однажды я с небольшим отрядом вышел на одну из полян, где велась торговля. Вот там я и посмотрел на «честную» торговлю. Видел, как люди скупают у коротышек мешками травы, чтоб потом продать втридорога, как обменивают ненужные вещи на самоцветы. Торговля процветала, но только не у коротышек.

По какой причине гоблины не могли торговать, ведь они вполне разумные существа, по уровню интеллекта ничем не уступают людям, я не знал. Так почему же они не торгуются? Вот с таким разговором я и пришёл тогда к шаману.

– Скажи, Рр'Е'рГор, какая польза от вашей торговли? Разве охотник сможет добыть в ней себе еды? Разве покажет свою доблесть и станет мужчиной?

– Не скажи... Почему бы охотнику за тот же самоцвет не обменять у людей выделанных шкур, копчёного мяса? И тогда не надо рисковать! Не надо делать ловушки, выслеживать добычу.

– А какой же это тогда охотник, а тем более муж?! Раз не можешь добыть еды сам, то ты не охотник.

– В чём-то ты прав, а прав только в том, что обманывают нас! Нам приходится мириться с таким положением дел. Нас не выпустят дальше нашего края. В другом месте мы или погибнем, или попадём в рабство, что равносильно смерти.

Лишь много позже я понял, что очень многое зависит от общества и его обычаев. Пресловутый менталитет играет очень большую роль.

– Но ведь можно собрать караван!

– Можно! Но кто его поведёт? – лукаво посмотрел на меня шаман.

А я уже решил для себя, что научу гоблинов торговать. Вот так и случилось, что караван пришлось вести мне.

Но до этого его ещё и собрать надо, отобрать охранников, купить лошадей и телеги. Сколько мы извели на это добра! А ещё пришлось договариваться с другими шаманами, чтобы они прекратили торговлю с людьми. Потом пришлось брать от каждого племени по гоблина и обучать их премудростям торговли. Если б я их только сам знал!

Тогда многие из людей поняли, что с гоблинами тоже надо считаться. Пусть рост их и невелик, но ловкость и выносливость компенсировали этот недостаток с лихвой. Луки были чуть меньше, но дальность стрельбы и убойная сила превосходили людские. Да и луки у гоблинов были качественнее. Тетива изготавливалась из жил какой-то рыбы, что делало её абсолютно не боящейся влаги.

Копьями, а точнее, чем-то похожим на нагинаты, они научились владеть вполне прилично. Уж получше людей. Большая длина копья и более длинное лезвие компенсировали маленький рост гоблинов. Ведь в своём крае коротышки их ещё часто используют как шесты на плотках или как остроги.

Мне пришлось немного поработать с гоблинами-охотниками, чтобы сделать из них воинов, но это было лишь в удовольствие, так как они привыкли к подчинению старшим, а владению своими «нагинатами» и луками учились с детства. Не всегда только этих самых «нагинат»

хватало. Те гоблины, что убивали меня палками, были из бедного племени и пользовались тем, что осталось.

И вот благодаря каравану мы смогли изменить положение дел. Пусть не всё было понятно тем, кто отправился с нами в путь, но многое из путешествия они смогли для себя вынести.

Но были и положительные моменты. Так, например, меня приняли в ряды гоблинов. Как такое возможно, я и сам не знал, но главный шаман сказал, что духи одобрили это. Тогда я ещё не воспринимал такие слова всерьёз. На Большом совете, после того, как я привёл караван, было решено сделать меня РР'а. Причём при произношении надо было как-то выделять первые два звука в более высокой интонации, а вот звук «а» в более низкой. Пока я этому научился, семь потов сошло. Потом мне объяснили, что это звание приравнивается почти к главному шаману.

Почему мне оказали такую честь, я так и не понял. Мой знакомый шаман только отмахивался и говорил, что так велели духи. Вот так я стал вождём. Что накладывало на меня некие обязательства. Мне приходилось при каждом моём попадании выслушивать, чего гоблины добились, а уж потом давать или советы, или же самому вносить коррективы в общественный строй коротышек.

Но были и неприятные моменты: мои бои так и не прекратились, меня всё так же убивали в сражениях. Только теперь они были, на мой взгляд, какие-то изощрённые. Всё чаще меня посещала мысль, что я чего-то не понимаю, так как нападения были беспричинными – то на мирную деревню, то на превосходящий по численности отряд. При этом нападавшие были как безумные, но действовали вполне осознанно.

После каждого моего поражения я оказывался в доме Лики. За это время мы немного обзавелись хозяйством и вместо землянки отстроили себе нормальный дом, в котором даже мансарда есть. Пусть в диком лесу это смотрится глупо, но я всегда хотел деревянный дом с мансардой.

Теперь мне удавалось притаскивать трофеи из моих «командировок», и часто очень хорошие. От гоблинов я, как правило, приносил самоцветы или жемчуг, а из других мест – золото, серебро, оружие, доспехи, утварь, различного рода палки, именуемые посохами, и всё добро я бережно закапывал подальше от дома, да так, что мог найти только я. Всё могло пролежать в тайниках не одно столетие и не испортиться – эту науку я хорошо выучил у гоблинов, авось пригодится. Получалось, что теперь в свои бои я ходил как на работу. И на деньги, которые удалось добыть, мы и построили дом. Особо богатством не светили.

Ещё был положительный момент: перед каждой отправкой в «командировку» мне приходил будто бы сигнал. Даже не знаю, как объяснить, просто я чувствовал, что вот сейчас будет перемещение. При этом чувство усиливалось с каждым разом, пока я не перемещался. Бывало, на сборы мне давался целый день, а бывало, всего минуту.

Так прошло три года. За это время я наслаждался каждой встречей с Ликой. И мне всё больше и больше хотелось, чтобы она стала матерью моих детей. Что самое интересное, «командировки» становились всё реже. Меня это радовало: возможно, настанет время, когда они совсем прекратятся.

В один из дней мне пришёл очень настойчивый сигнал. Когда я выходил из дома, меня скрутило пополам. Кое-как заглушив боль, я стал лихорадочно размышлять, что это было. Пока мозг анализировал ситуацию, тело уже само понеслось к сараю, где лежали необходимые вещи.

Только я взял в руки мешок, в котором находились тёплый плащ, сухпаёк, туалетные принадлежности, сменное бельё и лекарства, как меня перенесло. А придя в себя, я услышал за спиной треск сухих веток. Подкрадывались тихо, но не хватало сноровки, а у меня уже слух наострился-то.

Разворачиваюсь к гостям и в ту же секунду ухожу перекатом от пущенной стрелы и ползаю к большому валуну. Более-менее укрывшись за ним, стал осматривать окрестности и понял, что нахожусь на территории одного из племён гоблинов, вон, даже следы их пребывания имеются. Но где они сами?

Пока я предавался размышлениям, «гости» стали меня окружать, и моё шестое чувство говорило, что ещё не все сюрпризы мне показали. Или сейчас попробовать договориться, или же придётся драться.

– А эр! Ри РР'а! – выкрикнул я в надежде, что это гоблины.

Но надеждам не суждено было сбыться, ответа я не услышал.

Резко поднимаюсь и запускаю в ближайшего противника нож. Человек? А, не важно! Меня хотят убить. Сразу же чувствую, как пущенная немного справа стрела проходит по касательной, задевая мышцы правой руки. Больно, но терпимо. Это ненадолго, регенерация у меня теперь такая, что ящерицы обзавидуются, а сражаться я могу и левой рукой. Второй нож попадает лучнику в горло, и я сразу же ухожу в перекат от ещё одной стрелы. Прячусь за другим валуном, чуть в стороне от первого. Кажется, я вспомнил, как называется это место с кучей больших камней – ЫргГриРы, что в переводе – место, где духи говорят с живыми. Странные мысли лезут в голову.

Очередная стрела царапает правую руку. Что ж так не везёт! Никак не получается подобраться к лучнику. Стрельбу он ведёт отменно, не давая мне ни секунды высунуться и оглядеться. Судя по всему, оставшиеся обходят меня слева и справа. Достаточно одного точного выстрела – и мне конец. Быть или не быть – вот в чём вопрос. Странный вопрос – конечно, быть!

Быстро выскакиваю и сразу ухожу в кувырок, только ноги почувствовали опору, прыгаю в сторону лучника. Кувырок, прыжок, шаг влево, шаг вправо. Первая стрела – тридцать метров. Вторая – двадцать пять. Кувырок и перекат – девятнадцать. Уклоняюсь, и вот пятнадцать метров. Движение рукой.

Он уклонился от трёх ножей! Да кто он такой? Двенадцать метров! Уклоняюсь от стрелы и прыгаю вперёд на пределе своих сил. Восемь. Последний нож. Попал! В руку. Выхватываю меч из-за спины и буквально просачиваюсь сквозь кусты, за которыми прячется стрелок.

От первой моей атаки лучник уклонился. И что самое странное – он не выпускает из рук лук. Вторая атака. Противник принимает мой меч на верхнее плечо лука и отводит в сторону. Бью левой рукой в скулу. Сразу наношу колющий удар в живот. Вытащив меч из тела, на развороте сношу голову. Всё. Это тебе не дуэль. Я за все свои смерти привык использовать любую возможность, чтобы победить.

Прикрываю глаза и прислушиваюсь. Противники затаились метрах в пятидесяти от меня. Ждут. Ну что ж, вы хотели убить меня, теперь убью вас я! Это не месть, а голый расчёт, врагов в живых не оставляют, и второго шанса я давать не собираюсь, научен горьким опытом.

Я собираю свои ножи, делая вид, что не знаю о присутствии врага, и думаю, что делать дальше. Идти за остальными ножами и обыскивать трупы на предмет полезных вещей не имеет смысла, так как пока меня частично закрывают ветки, попасть в меня очень сложно. Очень грамотная позиция для стрелка. Место это представляло собой пятачок земли диаметром два – три метра, заросший по кругу кустарником. При этом с него всё отлично просматривалось. Получается, лучник был не такой уж простой. Присмотревшись внимательнее, я заметил, что на плече лука в том месте, где, по идее, должна быть зарубка от моего меча, ничего нет. Пришло осознание, что мой меч резал шкуру демона как масло, а тут какая-то деревяшка – и ни следа от удара! Вот теперь я всерьёз задумался, кто это такие, а следовательно, мне нужен «язык».

Я побежал в лес в противоположную сторону от поляны, на которой я появился. Метров через сто по крутой дуге стал огибать поляну. Противника я нашёл там, где он и затаился: всё это я прочёл по следам. Оценив предполагаемого «языка», пришёл к выводу, что он ничего не

знает. Он явно нервничал, постоянно оглядываясь, следовательно, не очень опытен, новичок. Новички, как правило, знают мало. Умер он быстро: нож вошёл прямо в глаз.

Я даже не стал вынимать его, сразу отправился на поиски второго, надеясь, что тот окажется для меня полезен. Противник был опытным, не стал ждать на одном месте, а последовал за мной. Вот только добыча не по зубам. Подлый удар со спины по голове – и у меня пленник. Пока я его связывал и обыскивал на предмет колюще-режущих вещей, на поляне появились ещё действующие лица. Взвалив на плечо свою добычу, я побрёл встречать посетителей.

Надо сказать, вновь прибывшие вели себя по-хозяйски и уже успели снять всё с двух трупов. Хотя я их понимал, это ведь их земля, а люди здесь чужие, и грех разбрасываться одеждой и бронёй при её дефиците.

– РР'а?! – неуверенно спросил старший отряда.

А я заметил, как правильно взяли меня в кольцо и как мгновенно были натянуты луки у двух стоящих поодаль гоблинов.

– А ты ждал кого-то другого, р'А? – усмехнулся я.

– Шаманы предупредили меня, что ты появишься здесь, но мы опоздали. Тебя нашли быстрее. – А парень-то волнуется, видно, что-то действительно серьёзное.

Скинув с плеча свою ношу, которая при падении пришла в себя и сейчас смотрела на меня, я обернулся к р'А.

– Этого нужно охранять! Позже его допросим. А тебя как звать? – Мне было интересно, как такой молодой гоблин достиг звания р'А, что значило маленький вождь маленького племени, а если по-простому – командир отряда.

– Лис! – как-то даже гордо, на мой взгляд, произнёс гоблин.

Но сейчас меня больше интересует его полное имя. Лис – это прозвище, точнее, для гоблинов это второе имя, которое даётся за определённые заслуги, есть ещё третье имя, которое дополняет второе. Основное же имя несёт в себе информацию, из какого племени гоблин, какого рода и, что важно, из какой семьи.

– А полное имя?

– РыР'аГ'оРо!

Значит, Лис из племени рыбаков, а вот род у него интересный – что-то вроде охотящихся с копьём, гарпунщики. Семья оР. Последняя буква «о» в звучании полного имени означает, что он наследник. Интересно, почему же наследника отправили с отрядом встречать меня?

Сидя на одном из валунов, в большом количестве раскиданных на поляне, я наблюдал за Лисом и его маленьким племенем. Что-то изменилось в жизни гоблинов, что-то страшное пришло в их жизнь. Я видел такие взгляды, когда брал города. Так смотрят женщины и дети на завоевателей. Неужели люди стали причиной горя? Хотя чего гадать, вон пленник лежит, можно его спросить.

Костёр уже разгорелся довольно хорошо, поэтому я достал из сумки несколько свинцовых шариков, закинул их в железную миску и поставил в огонь. Я не надеялся, что пленник сразу всё расскажет, поэтому лучше подготовиться к пыткам. Пленник на мои действия смотрел с непониманием. И правда, зачем расходовать металл, если всё можно сделать с помощью ножа? Но неизвестность всегда пугает, а этой пытке меня научили в одном из племён, очень, знаете ли, громко визжал пытаемый и очень хорошо всё рассказывал.

Я не садист, просто по-другому нельзя и не получится. Пусть наши демократы попробуют в средневековье своими демократическими методами расколоть какого-нибудь вора. Я посмотрю и посмеюсь.

Пока плавился свинец, я дал указание вбить крепкие колышки в землю. Пленника я оглушил и им замерял, где должны быть вбиты колья. Что поделать, быть ему привязанным за руки и за ноги к ним. С него сняли всю одежду, зачем добру пропадать, и, полив из фляги лицо будущего мученика, я задал вопрос:

– Кто ты?

Немой вопрос в глазах.

– Кто ты? – повторил я на другом языке.

Тот же результат.

Мне пришлось повторить вопрос несколько раз на разных языках, пока наконец он ответил на языке довольно маленького королевства.

– Что вы делаете на землях гоблинов?

– Странный вопрос, не находишь ли? Погоди, так ты что, не знаешь?! – И он начал хохотать.

– Ничего странного в этом не вижу. Повторяю: что вы делаете на землях гоблинов?

– А что, по-твоему, мы тут делаем?

– Не хочешь по-хорошему? Ладно. – И я капнул немного свинца ему на ладонь, предвзвительно наступив на руку, чтобы он не смог скинуть горячий металл.

Пленник задёргался. Я постоял так минут пять и повторил:

– И так, что вы делаете на землях гоблинов?

– Да пошёл ты!

В этот раз я вылил свинец на внутреннюю сторону предплечья. Потом на ногу. Пленник рассказал всё, когда я дошёл до лобка. И надо было строить из себя героя? Всё равно под пытками сознаются рано или поздно все. Правда, по мне так уж лучше рано.

Из рассказа пленника выходило, что земли гоблинов приписали к одному из недавно образованных королевств, захватывающим всё новые и новые территории. Гоблинов негласно списали в утиль. Было дано указание уничтожить все селения и всех его жителей. На вопрос о количестве войск был дан ответ, что королевству помогает ещё кто-то. Кто такой этот помощник, выяснить не удалось даже после того, как я применил более жёсткие пытки. Единственное, что сказал человек перед тем, как умереть, – это кто-то могущественный и помогает он как-то странно, ни воинов не дал, ни провианта, ничего.

После того как я закончил допрос, ко мне подошёл Лис и попросил идти вместе с ним на совет шаманов. Что странно, у гоблинов были шаманы, но вождей не было, вернее, они были, но их правление сводилось к командованию отрядами, а чтобы руководить всем племенем – никогда.

Путь до совета занял трое суток. Мы шли от одной стоянки гоблинских родов до другой, и почти все они были пусты. На реках все переправы и мосты были уничтожены, но к какой бы реке мы ни подошли, везде нас встречали охотники с приготовленными для нас лодками. К концу путешествия наш отряд значительно вырос.

Гоблины, как я смог понять, к моей встрече подготовились основательно. Это видно хотя бы по тому, сколько за мной послали охотников и как они себя вели, то есть вели себя, как опытные воины. Да и по тому, как они заматали следы и как грамотно делали переправу через реку, видно было, что они опасались нападения. Значит, такой случай, как со мной, не первый.

Совет шаманов проходил на довольно большом острове одного священного для гоблинов озера. Расстояние между островом и берегом километра два. Ни один простой гоблин не мог ступить на этот остров, если он не был приглашён. Мне же, видно, выпала честь быть там первым среди людей. Или уже не совсем людей?

Встречал меня шаман племени охотников, вот только выглядел он не лучшим образом. Хотя старость никого не красит.

– Что, сильно я постарел, да? – вместо приветствия обратился ко мне Лягушонок.

Мне позволено так его звать, ведь именно я дал ему второе имя. Как и многим гоблинам. Что поделаться, но первое время я просто не мог запомнить их имена и давал клички в зависимости от характера или схожести того или иного гоблина с животным. Потом долгое время

объяснял, что означает слово «лис», «волк», «лягушонок»... Что удивительно, мои клички гоблинам понравились, и это вошло в традицию. Было только одно но: таких зверей, как на Земле, в этом мире не водилось совсем, и мне приходилось пояснять, почему одного я назвал Волком, а другого – Орлом.

– Сколько меня не было?

– Почти пять десятилетий. Многого произошло за это время, но не это главное. Пойдём, тебе выделили один из фигвамов. – На последнее слово я невольно улыбнулся.

Когда я первый раз увидел жилища гоблинов, то невольно сравнил их с жильём индейцев. Но вот беда, я исконно русский человек и в первое посещение обиталища гоблинов обозвал его фигвамом. А у гоблинов ведь как? РР'а сказал, что это фигвам, значит, это фигвам. Вы спросите, как же я столько времени с ними общался и ни разу не был в их жилище? Вот так! Пока меня не сделали РР'а, я был для них чужаком, пусть и очень полезным, но чужаком.

– Заходи, там тебя ждёт еда и всё, что ты любишь для хорошего отдыха. Совет начнётся завтра утром. Все разговоры завтра, сейчас не до этого. И вот ещё что. Я рад, что ты пришел, Егор! – И Лягушонок ушёл, а я лёг на походную раскладушку и уснул.

Утро встретило меня тучками на небе и туманом, будто намекая: будущее не определено. Вот такая муть лезет с утра в голову. Хотя надо признать, иногда она помогает отвлечься от дурных мыслей. А меня, если честно, немного потряхивало, я мог лишь строить догадки, что попросят гоблины и что они будут решать на своём совете. Но за то, что это связано с нападениями, я готов биться об заклад.

Сделав зарядку, я стал заниматься с мечом, пока меня не окликнул один из учеников шамана. Он принёс мне завтрак и принадлежности для умывания. Кто бы что ни говорил, но гоблины очень чистые существа и за своей гигиеной следят. Умывшись, я плотно позавтракал, запил еду травяным отваром, и ученик повёл меня вглубь острова на совет.

Когда мы дошли до небольшой горы, гоблин отодвинул кусты, сдёрнул дёрн, и моему взору предстала массивная деревянная дверь. Гоблин взялся за кольцо, выполняющее роль ручки, и потянул на себя. Когда дверь открылась, я увидел пещеру, ведущую вниз.

Спускались мы, по моим прикидкам, минут двадцать. Впереди шёл ученик шамана, держа перед собой факел и следя, чтобы я не отставал. Скажу честно, пещера меня сильно удивила, так как с одной стороны наводила на мысль, что она рукотворна, а с другой – кто мог такое сделать? Высота – метра три, и ширина такая же. Ступеньки не очень крутые и даже, на мой непрофессиональный взгляд, сделаны, как говорят, одна к одной. Ни сталактитов, ни сталагмитов не наблюдалось. До этого времени я в пещерах не бывал и судить не могу, но конкретно в этой пещере стены гладкие, чем-то похожие на тротуарную плитку. Вот как, скажите, это могли сделать гоблины с развитием ремёсел сродни нашему средневековью?

Вышли мы в просторный подземный грот. От удивления я аж раскрыл рот. То, что увидел, было великолепным, красивым, завораживающим и пугающим одновременно. Грот был размером с футбольное поле, высота его – как пятиэтажный дом. С потолка через равные промежутки свисали сталактиты, на концах которых светились непонятные шары. У противоположной стены от входа в грот текла небольшая речушка, впадающая в озеро. Чуть левее от меня располагалось что-то вроде амфитеатра, сцена которого представляла собой плоский валун метра три в диаметре. Полукругом возле сцены были расставлены камни, будто стулья.

Шаманы были уже здесь. Ученик повёл меня к одному из «стульев». Проходя мимо верховных гоблинов, я с каждым здоровался, но очень тихо, так как акустика в гроте была потрясающей!

Как только я сел, на сцену вышел Лягушонок:

– Слушайте меня и не говорите потом, что не слышали! Беда пришла в наши края, и вы все это знаете. До этого мы жили в мире с людьми, но они превзошли себя подлостью своей. Им показалось мало того, что на протяжении многих лет они обманывали наш народ, теперь

они решили его уничтожить! Вы все говорили с духами, вы все знаете, что они сказали. Без помощи РР'а нам не выжить. Народ озёр и рек перестанет существовать. Так вот же, он сидит перед нами.

Речь Лягушонка воспринималась мной как пафос. Увы, я привык слышать подобные речи по телевизору, но здесь мне казалось это глупым. Своё мнение пришлось поменять, когда я увидел, как горят глаза моего друга и всех шаманов. Лягушонок говорил, разжигая в себе и во всех присутствующих пламя мести, обиды и надежды. Вот так, наверное, разогревали сердца людей ораторы Земли.

– Скажи нам, РР'а, что ты думаешь обо всём этом? – встал справа от меня один из шаманов, кажется, его зовут Рыб.

– Если уважаемые шаманы не заметили, я тоже человек. И честно скажу вам: не все люди настолько уж плохи. И я не совсем понимаю, о чём говорили вам духи, и вообще что происходит.

– Всё просто, Егор: нас убивают! – влез Лягушонок. – Вырезают целые семьи, роды! До племён дело ещё не дошло, но и так уже уничтожено слишком много. Люди приходят и вырезают всех без разбора: стариков, детей, женщин. А мы не можем им ничего сделать. Племена уходят вглубь края, но люди не прекращают нас преследовать и убивать. Гоблины заходят всё дальше и дальше, и скоро им некуда будет уходить, так как потом будет большая вода и горы.

– Стоп! А вот отсюда поподробнее! Большая вода – насколько большая?

– Большая вода огромна, даже если плыть два дня, её не пересечь!

Я задумался: море или океан? Ни то, ни другое я в этом мире ещё не видел. Что это даёт гоблинам? Мореходство, кораблестроение, рыболовство. Мореходство – вопрос спорный, так как нет кораблей. Кораблестроение – тоже вопрос сложный, так как нет мастеров. А вот рыболовство... Сейчас ведь гоблины фактически питаются рыбой.

Горы. С ними не совсем понятно. Если есть полезные ископаемые, хорошо, но опять же – нет специалистов. Чем я могу помочь? Да почти ничем. Ещё эти духи... Кто это и что? И вообще, рассматривать ли под этими духами что-то конкретное или нет? Может, это всё выдумки?

Мои размышления прервал Лягушонок:

– Каков твой ответ, РР'а?

– Скажите, на что вы готовы, чтоб выжить? И не просто выжить, но и победить?

– Духи сказали, чтобы мы слушались твоих советов! – ответил Лягушонок.

– Да!

– Да!

– Духи не ошибаются!

– Ты немало сделал для нашего народа! Духи благоволят к тебе!

– К чёрту духов! Представьте, что их нет и никогда не было. И сейчас вам решать, на что вы готовы для победы! Какие принципы и законы предков вы готовы растоптать, чтобы ваши потомки жили? Чтобы у вас были потомки.

– Мы не понимаем тебя, РР'а! – поднялся с камня пожилой шаман.

– Духи говорят только с вами или со всеми гоблинами?

– Если гоблин не шаман, духи не говорят с ним.

– Представьте, что вы не шаманы. Вы, скажем, рыбаки, и духи никогда с вами не говорили, и вы даже не знаете об их существовании. Представили?

– Ох и трудные же испытания ты нам предлагаешь, но мы попробуем, – ответил за всех пожилой шаман.

– Пробуйте, думайте. Я подожду.

Пока шаманы совещались, я ходил по гроту и таранился на светящиеся приятным зеленоватым цветом шарики, висевшие на сталактитах. Мне казалось, они живые, но как такое

возможно? И ещё меня занимал грот. Не знаю, как это описать, но, по мне, он был очень уютным, что ли, и красивым. Как-то так. Стены шершавые и тёплые, пол ровный, с красноватыми прожилками, мерно мерцающими от зеленоватого цвета шаров, и ни одного острого камня. Дойдя до озера, с удивлением обнаружил, что оно абсолютно прозрачное и глубиной примерно метра два. В нём плавали рыбы.

– РР'а! Мы готовы ответить на твои вопросы! – подошёл ко мне Лягушонок.

– Хорошо. Скажи, а что это за место? – Меня распирало любопытство.

– Понимаешь, Е'рГор! – Ого, а Лягушонок нервничает. Почему-то всегда, когда это происходит, он не может правильно выговорить моё имя и всегда его коверкает на гоблинский лад. – Это место – наш дом!

К Лягушонку присоединился пожилой шаман, который, видимо, увидел на моём лице недоумение и решил продолжить:

– В этом месте впервые появились на свет наши предки. Здесь они росли, учились и произвели своё первое потомство. До нас дошли лишь сказания, что однажды мы увидим того, кто произвёл нас на свет.

– Вы сказали – произвёл? Не произвела? То есть вы уверены, что он – мужчина. Но ведь производят на свет только женщины.

– Ты мудр, РР'а, но ведь если ты вырастишь семя, то, значит, и ты произвёл на свет пшено, не так ли?!

– Но...

– Не торопись, РР'а, я ещё не всё сказал. Сквозь время предки донесли до нас знание, что он вернётся. И что мы были произведены на свет им. Это всё, что мы знаем. Сам он уже давно не выходил к своим детям и не давал наставления. Знаем лишь, что мы не единственные дети, а он – не единственный родитель.

Я впал в проstration. Вот так новость! Кто произвёл их на свет? Бог? Демиург? Инопланетяне? Для чего? Зачем? Вопросы в голове стали возникать моментально. Это что же получается: их создали в этом мире, но как? И в этом ли мире? Возможно, их сюда принесли или привели, как несмышлёных детей в ясли.

Вот с такими мыслями я вернулся к сцене. Шаманы стояли плотной толпой и смотрели на меня. И только я хотел задать вопрос, как ко мне обратился Лягушонок:

– Мы обдумали твои слова, РР'а! Мы поняли, что ты хотел нам сказать, и знаем, что нельзя всегда надеяться на духов. Обдумав всё, мы пришли к выводу, что готовы на многое для того, чтобы народ гоблинов существовал дальше. И не просто существовал, но и процветал.

– Будет трудно. Очень. Многим это не понравится, но другого выхода я не вижу. В первую очередь придётся очень тяжело вашим женщинам.

– Мы примем любое твоё решение.

– Тогда, пожалуй, начнём!

И завертелось. Устанавливались новые законы, которые сначала приходилось объяснять шаманам, чтобы те донесли их остальным. Всех взрослых гоблинов отправили на постройку «линии Маннергейма». Конечно, не было бетонных блоков, дотов и колючей проволоки, но было много рек, заболоченных мест и оврагов. И это всё укреплялось или создавалось. Там, где был пологий спуск к воде, делалась насыпь, укреплённая со стороны гоблинов частоколом. В некоторых местах возводились башни, на которых впоследствии будут установлены метательные машины. Копали отводы рек, чтобы заблачивать места. Всё делалось, чтоб осложнить продвижение людей.

Было ещё одно распоряжение, касающееся женщин. В силу того, что гоблины были слабее людей и малочисленнее, каждой гоблинше, достигшей детородного возраста, вменялось родить ребёнка, чтобы хоть немного увеличить численность. Можно, конечно, смеяться над таким решением и обсуждать его, но иного выхода я не видел. Так как в первых столкновениях при

организованном вторжении большинство мужчин погибнет, то пусть хотя бы оставят после себя потомство.

Но это было не самое худшее из указаний. Я решил, что гоблинам не помешает разбавить кровь. Шаманы долго возмущались, не желая идти на такой шаг. Пришлось напомнить, что они обещали исполнять все мои указания. А указание было таким: оплодотворять человеческих женщин, чтобы те рожали детей. Потом, если они не смиряются со своей участью, убить их, или, если смиряются, делать второй женой. При захвате детей действовать в зависимости от возраста: маленьких воспитывать как своих, а если дети уже достаточно взрослые – в рабы их и отправлять на работу по возведению укреплений.

Последним указанием я хотел добиться увеличения силы и роста гоблинов путём смешивания крови. Человеческие дети подрастут и станут такими же членами семей, а впоследствии наделают детей-полукровок.

Возможно, вы видите другой выход, но я его не видел. Да, жестоко. Да, немилосердно. Но это для выживания расы. На что пошло бы человечество для выживания? Думаю, на многое. А эти указания вводились только на время этой войны. Надеюсь, только ЭТОЙ войны.

Изменения коснулись и уклада жизни, помимо того, что мужчинам разрешалось брать вторую и третью жену, так ещё осиротевших детей должны были воспитывать всем родом. Не стало более охотников. Точнее, охотники как таковые остались, но теперь это слово обозначало исключительно охоту. Появились регулярные войска и воины. Появилось стандартное вооружение: копьё, метательные топорики, лук, у некоторых меч или секира, щит. Были введены рода войск. Кавалерии не было, но были копейщики, лучники и мечники. Причём копейщики всегда были с луками, но без щитов. Когда я хотел отобрать у них луки, мне доказали ошибочность этого решения. В речном крае копьё или длинный шест – необходимый атрибут. При стрельбе из лука копьё втыкалось в землю, и гоблин в считанные секунды выпускал стрелы, после чего мог уже пользоваться копьём. Чтобы закинуть лук за спину и убрать колчан, уходило времени и того меньше. Но мне всё же удалось гоблинов заставить носить щиты. Правда, они были небольшие, в диаметре сантиметров всего пятьдесят – шестьдесят. В общем, по мне, так странные копейщики, это если не брать в расчёт то, что у каждого был ещё и метательный топорик, а то и два. Мечники же щиты носили, но наотрез отказались бросать луки. В итоге и мечники, и копейщики были с луками и с топориками!

Немного поразмыслив, я решил ввести в обиход маленькие арбалеты для дам. Война идёт на уничтожение расы гоблинов, и любой выстрел не будет лишним. Мужчины сначала роптали, но потом поутихли, а некоторые их взяли и себе.

Были введены в армии устав и правила. Главное гласило: «Смерти достоин тот, кто мог, но не оказал помощь своему боевому товарищу»; второе: «Если в бою побежит один трус, то будет казнён весь его десяток, если побежит десяток, казнят сотню».

Ужесточены и законы. Не только за серьёзные преступления, а за любое маломальское прегрешение виновные наказывались смертью. К таким преступлениям, как убийство, приравнивались: блуд мужчины, неверность жены, кража, грабёж, скупка краденого, трехкратное невозвращение долга, насилие слабого. Менее весомые прегрешения карались ссылкой за линию.

Когда первая линия обороны была более-менее возведена, я решился на один шаг. По моему, пришло время навестить селения людей. Тысяча гоблинов по моему указу готовилась к походу. Главным было то, что мы шли не убивать, а пленить. Гоблины брали с собой большой запас верёвок, коими будут связывать пленников. Тысяча была поделена на сотни, сотни – на десятки. Каждый знал свои обязанности. Порядок в тысяче был на высоте, я лично этим озаботился.

На пятый день после окончания строительства первой линии обороны мы выступили. Идти предстояло дня два, потом ещё дней пять спускаться по реке на юг, оттуда три дня в

глубь леса, ранее принадлежащего гоблинам, забирая уже на север. Конечно, можно было бы и напрямик, но не хотелось нарваться на отряд, который встретил меня в первые минуты моего появления.

Наше путешествие было бы относительно лёгким, если бы не пришлось тащить с собой лодки, на которых мы плыли по реке. Но всё обошлось без происшествий, в лес мы вошли незамеченными. Разделились на сотни, одна осталась охранять лодки, остальные на равном удалении друг от друга выдвинулись в путь.

Шли мы частой гребёнкой, это нужно, чтобы максимально исключить возможность нашего обнаружения и чтобы в случае чего выявить по максимуму диверсантов людей.

Но никого по пути мы не встретили и на девятый день вышли из леса. Местность, где раньше велась торговля с гоблинами, будто вымерла. Вот что мешало двум расам жить в мире? Ответ не известен.

Дождавшись ночи, мы выдвинулись к первому поселению людей. Предстояло трудное дело: сначала захватить деревню или село, а потом отконвоировать кучу народа. И самое сложное будет не в захвате, а именно в конвоировании. Придётся учитывать массу нюансов, и ещё неизвестно, как себя поведут гоблины. Да и люди тоже.

Пока я размышлял, мы приблизились к деревне, огороженной частоколом, возле ворот имелись два наблюдательных пункта. Что-то подобное я ожидал, но гоблины приготовили лестницы для штурма и ещё кое-какие сюрпризы, которые жители и увидят, или не увидят, в ближайшее время.

Гоблины окружили деревню и стали разжигать костры. Как только они разгорались, корытшки доставали из заплечных сумок небольшие рулоны из кожи и трав. Все, наверное, делали в детстве дымовуху, так вот и эти тюки были пресловутой дымовухой, только вместо бумаги использовалась выделанная кожа, а вместо селитры или пин-понгового шарика – забавная травка. Она безвредна, если, конечно, её не высушить и не поджечь. Дым этой травы усыплял всех разумных существ, у человека, вдохнувшего его, после пробуждения вырабатывался иммунитет на этот дым, правда всего дня на два. Вот такая травка растёт у гоблинов на озёрах, и о её свойствах, как я понял, знают не все. И её гоблины будут кидать за частокол.

В деревне поднялся переполох от обилия костров вокруг. Наблюдатели, видно, не шибко хорошо несли свою службу, иначе давно заметили бы нас. А так или спали, что скорее всего, или ещё чем занимались.

По моей команде гоблины направились к частоколу. Шли организованно, первые ряды, прикрывшись щитами, несли факелы. Вторые несли луки, а третьи – дымовухи. Пусть это всё перестраховка, но лучше так, чем по глупости терять своих воинов.

Деревню мы взяли быстро. Большинство людей нанюхалось дыма и уснуло. Соппротивление было оказано только в одном доме. Из него пару раз вылетели стрелы, ранив двух гоблинов. По-видимому, в нём обитали люди, знакомые, с какой стороны братья за оружие, или же, возможно, кто-то из диверсантов. Этот дом гоблины под прикрытием щитов просто закидали через выбитые ставни дымовухами. Через двадцать минут дым валил из дома так, что казалось, это была одна сплошная труба какого-нибудь завода.

– Гирт, Лев! Проверьте дом, но аккуратно, зря не рискуйте.

Сразу же два десятника моей личной сотни принялись исполнять указание. Один десяток, открыв дверь дома, скрылся в темноте коридора, второй держал на прицеле окна. Но ничего не случилось. Вышел Гирт и подошёл ко мне:

– РР'а, в доме пять человек в броне. Ещё двое с луками в лёгкой броне, но они странные какие-то. И одна женщина. Всё.

– Мужчин раздеть и связать. Женщину обыскать и связать. Всех тащите вон к тому дому. И пусть такую же процедуру проделают со всеми!

Ко мне подошёл десятник третьей сотни.

– РР'а, мы нашли кузницу. Она на другом конце деревни.

– Бери в помощь одну сотню, и обыскивайте все дома.

Кузница нам нужна. Точнее, нужен кузнец. Много чего ещё нужно, но всё будем решать постепенно, пока же возьмём в этой деревне всего по максимуму.

Когда гоблины почти заканчивали с разграблением домов, люди стали просыпаться. Некоторые попытались оказать сопротивление, но охранявшие их бойцы сразу дали понять бесперспективность этого. Пусть гоблин слабее человека, но из лука хорошо умеет стрелять, да и если ударит палкой по голове, далеко не убежишь.

Увидев, что все пленники более-менее пришли в себя, я направился к ним. Взирали на меня с удивлением и ненавистью, но мне это было до одного места, и не такое видел. Особенно меня интересовали лучники, все остальные пока подождут. Гоблинам ещё предстояло распределить награбленное добро по сумкам, чтобы потом всё сгрузить на пленников.

– Гирт! Оттащите лучников в сторону, мы с ними побеседуем!

Десятник с помощью трёх гоблинов отволок их от основной массы людей. Приблизившись к лучникам, я стал внимательно разглядывать их, пытаясь понять, в чём же их странность. Худые и высокие, похожие на жерди, руки длинные, такими удобно стрелять из лука. Да они этим и занимаются, глаза с азиатским разрезом, но при этом они большие, как у европейцев, – смотрится необычно. Уши чуть вытянуты вверх и заострены. Уши! Твою ж мать! Неужели?! Эльфы? Присмотревшись, понимаю, что на эльфов они не тянут. Тогда кто? Полукровки? А почему нет?! Тогда получается, что неведомый союзник людей – эльфы? Но зачем им это? Или всё же эльфы ни в чём не виноваты? И просто эти два случайно затесались сюда? Нужно узнать.

– Кто вы такие? – обратился я к лучникам, но они лишь презрительно ухмыльнулись.

Ну-ну...

– Гирт, дай нож.

– РР'а, может, позвать Ёргу? Он справится, – протягивая мне нож, посоветовал десятник.

Ну да! Ёргу, имеющий большие претензии к людям, убившим его сына, теперь у нас что-то вроде палача.

– Не стоит, мне с ними самому нужно побеседовать! Посмотри, чтобы мне не мешали.

Десятник понятиливо кивнул. Сообразительный парень. Сняв с одного ботинок и, размотав портянку, без всяких церемоний воткнул нож в пятку и прокрутил. Лучник заорал и задрыгался, я же, перевернув его на живот и сев на него, попросил Гирта подержать ногу. А сам стал искать в сумке мешочек с солью. Когда он был найден, я, не вынимая ножа из раны, раздвинул её края и высыпал туда соль. Лучник уже не кричал, а выл на одной ноте, из его глаз текли слёзы.

– Мне продолжить или вы соизволите говорить?

Пытки мне не доставляли удовольствия, просто этот способ самый быстрый и действенный, это я уяснил за все свои предыдущие «смерти».

– Что ты хочешь знать? – спросил второй лучник.

– Повторяю: кто вы?

– Люди, кто ж ещё. Что, не похожи?

– Честно? Нет! И давай подробней: откуда вы, что делаете в этой деревне? И, самое интересное, кто твои родители?

– Родители – люди, мамка точно! А отца не видел ни разу, но мамка сказывала, что и он человек. Люди тоже бывают разные да непохожие.

– Да, но не с такими отличительными чертами, а точнее, ушами.

– Уши как уши! У гоблинов они вон вообще как лопухи.

– То у гоблинов, а у вас они ох как не человеческие.

– И что?

– А того. Отца, значит, ты не видел. А соседи твои? И сам откуда будешь?

– Как откуда? Отсюда родом и буду! А что соседи? Соседи сказывают, что и отец человеком был, пока у гоблинов в болоте не утоп. Вытащить не смогли.

– Допустим, я тебе верю. Лук откуда?

– Лук от отца достался! Мать его продавать не хотела, так до моего взросления и сберегла.

Стрелять в егерях научился.

– Служил, значит? Здесь с каким заданием?

– Десять лет в лесах на границе со степью. Сюда домой на побывку приехал и для пригляда.

– За кем пригляд? Уж не за отрядами ли, что к гоблинам ходят? – В это время второй лучник что-то промышчал, и мой собеседник как-то даже поник. – Говорить не положено? Понимаю, но и ты пойми, я же всё равно узнаю. Вопрос только – как? Твой товарищ, видно, с первого раза не понимает.

– Скажу, чего уж там. Пригляд за деревней, да отрядам помогать с маршрутом. Я же здесь вырос, места знаю. У гоблинов бывал не раз. Король-то наш земли хочет захватить, но пока он сюда не сунется, у него проблемы с королевством Крейге. Крепкий орешек оказался, с наскока не взял. Вот и дали указание открыто не переселяться, а делать небольшие рейды и всех гоблинов вырезать под корень. Ну что, убьёшь хоть быстро?

– Хм, может, и не убью. Посмотрим. Но за жизнь спрошу, и, возможно, вам это не понравится, – гаденько усмехнулся я. – Вы к женщинам как относитесь?

– Нормально, как все, – удивился лучник.

– Ну, значит, договоримся, – улыбнулся я.

Больше эти два лучника мне были без надобности. Всё, что нужно, я узнал, а добавить им нечего, так как просто не знают. Беспокоил меня только один вопрос: неужели эльфы решили разбавить свою кровь? Или это что-то другое? А может, не эльфы? Тут, как говорят, без поллитра не разберёшься. И всё же нужно понять, что это за союзник у королевства?

Когда все дома были разграблены, а связанные пленники выстроены в колонну, мы выдвинулись обратно. Дорога заняла в два раза больше времени. Проблемы возникли при переправе через реку, уж очень много народа решило, что это самый удобный случай сбежать. Да только не учли, что это земли гоблинов. Поймали их через день. Выявив зачинщиков, я приказал казнить их. В тот же день перед всеми им надели на шею верёвки с камнем, связали руки и ноги и бросили в воду.

Всего мы пленили триста двадцать шесть человек. Семерых пришлось казнить. Из трёхсот почти сотня – дети. Кузнеца мы отыскали, уж очень была приметна его могучая фигура. Его семью и его самого я приказал охранять лучше остальных и в случае непредвиденных ситуаций не травмировать. С ним я хотел переговорить по прибытии к гоблинам.

Всё награбленное доброе, кроме продуктов и режущих предметов, тащили пленники. С людьми обращались предельно вежливо, но на грубость отвечали грубостью. Пару раз наказывали особо нерадивых, коими были мужики, когда-то одетые в кольчуги. Одному пришлось распалосовать спину палками, а второму отрезать язык. Лучников я не убил, их под охраной тоже вели в поселение гоблинов. Когда я им рассказал, что они у меня будут в роли племенных бычков, то вдоволь налюбовался их ошарашенными лицами. Конечно, рискованно, но война вообще рискованное дело.

Когда преодолели линию, то как-то даже груз с плеч упал. Возникло чувство, будто я попал к себе домой, хотя, может, так и есть, ведь гоблины мне стали как младшие братья и сёстры. В лагере, который в скором времени станет городом, меня встретил Лягушонок.

– Удачен ли был поход, Егор? – с шуткой спросил мой друг.

– И не сомневайся, старый! Как у вас тут?

– Начали строить вторую линию. Стали добывать глину и камни для закладки башен.

– Это хорошо. Придумал, где размещать людей будешь? И кого куда уведёшь?

– Если есть плотники и каменщики, то сейчас же уведём вглубь. Кузнеца-то удалось взять?

– Каменщики вряд ли есть, скорее плотники. Кузнец есть. С ним будем отдельно говорить. Ты, я и Гирт.

– А Гирт зачем? – удивился Лягушонок.

– Смышлёный парень, будем из него генерала делать, не всегда же я у вас бываю.

– Это да! – вздохнул друг.

– Шаманы прислали девушек?

– Да, как и обещали, от каждого рода десять девушек.

– Ты говорил с ними?

– Нет.

– Что ж, вот и ещё одно дело, которое стоит сделать незамедлительно. Веди к ним, что ль, поговорим.

Лягушонок кивнул и повёл меня через весь лагерь. Повсюду копошились гоблины. Копали ямы для фундамента, отмечали на земле будущее расположение строений. Подопытные мамы находились чуть в стороне от лагеря и были отгорожены небольшим забором, охраняемым воинами.

– Лягушонок, я что-то не понял, они там насильно сидят? – удивился я открывшейся картине, так как с шаманами было оговорено, что приглашать только на добровольной основе.

– Нет, РР'а! Просто те, кто согласился, имеют родственников, которые против.

– Во избежание эксцессов?

– Да.

– Пойдём тогда посмотрим на добровольцев.

Один из воинов, охранявших девушек, увидев нас, направляющихся в их сторону, скрылся за забором и, судя по крикам, стал наводить порядок. Войдя за ограду, я увидел развешанное бельё, в одном из углов лежали корзины и лоза для их плетения, чуть в стороне – небольшая поленница дров, а посреди двора выстроились девушки. Хм, что-то подобное я и ожидал: у всех девушек был какой-нибудь дефект – у одной обожжена половина лица, у другой не было ступни, и она опиралась на костыль... В общем, всё понятно, для этих девушек моё предложение – шанс занять семью. При нынешних законах это сделать трудно, насилие карается смертью, а тут им предлагается на добровольной основе заделать семью. Плюс ко всему, если они родят, то воспитанием детей должны заниматься шаманы, а весь род будет помогать мамашам растить детей.

– Ну что ж, девоньки, вы сами пошли на это. Могу только пожелать вам терпения. Понимаю, мы, люди, для вас непривлекательны. – Тут раздалась несмелые смешки. – Но поймите, это нужно.

Дальнейшее можно назвать пустой болтовнёй. Я рассказывал, как это важно, как это поможет в дальнейшем и прочее, прочее. Всем в принципе и так было ясно, почему эти женщины и девушки согласились на этот фарс, и ещё неизвестно, получится ли что-то из этой затеи. Но ничего не сказать я не мог, мне хотелось оправдаться, и в большей степени перед собой.

Потом Лягушонок повёл меня к себе в дом, чтобы там побеседовать с кузнецом.

И вот мы сидим, а напротив нас стоит с угрюмым видом кузнец. То, что он угрюмый, мне понятно, не понятно только, зачем его так связали. Он был обмотан верёвками, почти как мумия. Если гоблины боятся его только по виду, то в дальнейшем это большая проблема. Да, мужик был метра два ростом, при этом говорят: косая сажень в плечах, но выдавало его лицо. Оно было добродушным, немного округлым, без каких-либо шрамов и отметин, нос совсем немного был с горбиной, губы чуть припухлые, а щёки слегка раздуты – ему бы Дедом Морозом быть на праздниках! А глаза... с небесно-голубым отливом, в которых был испуг.

- За что его так? – киваю на кузнеца.
- Удрать думал! Но ты же запретил его калечить и причинять ему вред, вот его и заморозили.
- Ну и зачем ты хотел удрать? – Вопрос риторический, но с чего-то же надо начинать разговор.
- Будто сам не знаешь? Мне вот больше интересно, почему тебя гоблины слушают? – А голос у кузнеца был под стать ему, могучий бас.
- А здесь секрета нет, могу рассказать. Только зачем тебе это? От больших знаний большая печаль.
- Умно говоришь! Да только чтоб гоблины человека слушались – не было такого. Лягушонок при этих словах аж зубами заскрежетал.
- Давай так! Я тебе расскажу, почему меня слушают и что гоблинам нужно от вас. Сейчас тебя развяжут, надеюсь на твоё благоразумие. Согласен?
- А не боишься?
- Нет. Смерти я не боюсь, а убить меня не так просто. Да и куда ты потом денешься? Тебя просто убьют, а так есть шанс пожить и, возможно, даже хорошо.
- Даже так? И много от нас требуется?
- Не от вас! А от тебя! Пока только с тобой из всей деревни разговор веду.
- Кузнец нужен?
- Нужен, не скрою! Хотя и без тебя сможем обойтись. Но и сам понимаешь, не отпустим.
- Убьёшь?
- Нет. Видел стройку, пока сюда добирались? – Дождавшись кивка, я продолжил: – Рабочие руки везде нужны, а с твоей силой тем более.
- Рабом сделаешь, значит?
- Сделаю! Не гоблины на ваши земли пришли, а вы к ним. Конечно, конкретно не вы, но извини, на войне как на войне, расплачиваться пока придётся вам.
- А что с семьёй?
- Гоблины тебе предлагают вот что: ты со своей семьёй будешь жить в глубине их земель, чтобы мыслей о побеге у тебя не возникло. Работа у тебя будет та, чем ты и раньше занимался. Дом тебе поставят, кузницу тоже. Семью твою не тронут, если будешь нормально вести себя. В принципе, ты будешь полноправным гоблином, вернее, человеком с правами гоблинов. Остальным придётся несладко. Если есть каменщики, то могут так же, как и ты, войти в общество гоблинов. Только работать они будут здесь, а их семьи будут жить там, где ты.
- Ну, пока всё ясно и гладко.
- Это не всё. Главное то, что только полезным людям разрешат войти в общество к гоблинам. А остальным, увы, придётся тяжко. Женщины должны будут родить от гоблинов. За исключением пока твоей жены и дочери, так как ты, если согласишься, считай, уже гоблин.
- Э-э-э... Но это же... это... – Кузнец от возмущения стал хватать ртом воздух, сжал кулаки, и взгляд его изменился.
- Тебя как зовут? – спросил я.
- Трим.
- Послушай, Трим. Если женщины хотят жить, то придётся им это сделать, в другом случае смерть их будет ужасна. А после родов, если женщины захотят, то могут сами воспитывать детей и даже выйти замуж. У гоблинов нет понятия испорченная или обесчещенная женщина. Гоблины судят по поступкам. И уж если женщина пригожа и хозяйка хорошая, то любой может взять её в жены, независимо от того, кто был у неё до него. Но блуд карается, и строго, вплоть до усекновения головы. Понял?
- Понял, чего уж не понять! Но вот то, что рожать придётся...

– Да послушай ты! Это необходимо! Или их силой обрюхатят, а потом все месяцы, пока не родят, они будут сидеть под присмотром. И это если смиренная будет, а нет, то свяжут и кормить будут через силу!

– Ик! Да как же так?!

– А вот так! Мужикам можешь сказать, что и им придется обрюхатить не шибко красивых гоблинш. А будут артачиться, заставим! Десять палок – и дело сделают лучше прежнего. Родившихся детей возьмут на воспитание и будут растить всем родом и племенем, а тем женщинам, которые родят, будут всячески помогать, если, конечно, это всё будет сделано добровольно.

– Но всё же неправильно, чтоб человек да с гоблином. Мерзко это! – выпалил Трим и тут же вжал голову в плечи.

– Мерзко. Война вообще мерзкое дело! Могу только сказать, что если человек будет полезен обществу и жить будет по законам, то и трогать его не будут. А тут и законы другие, нежели в королевстве, и порядок лучше. Поживёшь – увидишь. Налоги меньше... Да что я тебе рассказываю! Вот Лягушонок сидит, с ним пообщаешься, он всё тебе расскажет. Да, и права первой брачной ночи здесь нет, как нет и непомерной дани. И обидеть тебя просто так никто не может, пусть это даже верховный шаман.

– Говоришь, что прям аж завидно! По-твоему, жить в королевстве хуже, чем у гоблинов?

– Не хуже, но труднее! Здесь нет дворян и их самоуправства, а есть законы! Чувешь? Но с жильём проблемы, его придется строить, да налаживать быт. А уж если бы всё это было, то и жили бы намного лучше, чем в королевстве. Так что выбор у тебя невелик. Согласен или нет?

– Да, выбор и правда невелик. Согласен. А с остальными поговорю, не все, конечно, согласятся, но, думаю, пару семей толковых и полезных найду. Да и вдовушек парочку уговорю.

– Вот и славно. Гирт!

В дом вошёл сотник.

– Проводи Трима, заодно познакомитесь, он теперь будет гоблином, хе-хе. Иди, расскажешь основные законы да присмотришь за ним.

Возможно, какие-то великие силы хранили нас, а в особенности гоблинов, так как с разбавлением крови всё вышло очень хорошо. В том плане, что мужики обрюхатили гоблинш и даже не сильно возмутились. Также несколько человеческих вдовушек забеременели от гоблинов. Естественно, недовольные были, но когда двух или трёх женщин утащили в сарай и там проделали всю процедуру, роптать перестали. Уж лучше добровольно, да ещё потом можно надеяться на помощь, чем просто быть связанной все девять месяцев.

Дальше пошло совсем хорошо. Сделали ещё три выхода за пленниками, и все три удачные. Всего за все походы пленили тысячу одиннадцать человек. Всем разъяснили что и как, и большую роль в этом сыграл Трим. Вот уж с кем нам повезло. Он лично объяснял людям ошибочность сопротивления и приводил доводы в пользу гоблинов. А то, что родить придется, так не всем и невелико горе. Артачиться же не надо. Пойдём, мол, покажу, есть тут три женщины уже почитай на четвёртом месяце. Увидели? Прониклись? Будете рожать? Отлично.

Кузнецов стало трое, а в одном селе удалось добыть и каменщика с артелью. Правда, на строительстве укреплений первой линии их не оставили, семей нет, увезли немного вглубь строить третью линию обороны.

Через девять месяцев после первого похода родились малыши. Что я могу сказать? Нервничал, когда рожала одна из гоблинш, будто это моя Лика рожала и это мой ребёнок, моё будущее потомство и моя гордость. Когда же роды закончились, я буквально влетел в комнату и, распихав всех повитух, взял в руки младенца. На меня смотрели жёлтые глаза с огромным зрачком, кожа серая с зеленоватым оттенком. Волосики на голове торчали в разные стороны. Нос похож на кошачий. Губ почти не было, лишь тонкие полосочки бледно-розового цвета. А уши похожи на крылья птицы, и даже ушное отверстие находилось «под крылом», вместо

человеческой мочки – кожистые перепонки, на ощупь мягенькие. В целом малыш довольно симпатичный, и, главное, это был мальчик. И он был больше, чем чистокровные дети гоблинов при рождении. Теперь осталось только ждать, время покажет, удалась ли моя задумка.

Малышу нужно дать имя. Но что придумать? А почему бы не назвать его Рождённый? Например, рождённый на латыни – Natus. Пусть будет Натус. Так и нарекли.

Через неделю разродились все гоблинши и женщины первой партии. Различия в младенцах хоть и были, но незначительные. Все на взгляд были здоровые, да и шаманы это подтвердили.

А ещё через месяц я вернулся к своей жене. Но больше всего я испытал потрясение, когда вместе со мной к Лике попал и Натус. Впору было кричать и материться, но я сдержался, лишь виновато улыбнулся своей любимой и протянул свёрток. Перед женой пришлось оправдываться. Ну не знал я, что так выйдет. Конечно, всей правды я ей не рассказал, лишь объяснил, что спас младенца, когда был у гоблинов. Лика лишь взглянула мне в глаза и, что-то там увидав, ошарашила меня тем, что нянчиться с этим малышом придётся мне да ждать ещё одного. Я скоро стану папой.

Глава 3

И вот я опять в Озёрном крае. Прошло четыре года. Четыре года я провёл со своей семьёй. Да, теперь могу сказать, что Лика стала моей семьёй, а сын, родившийся у нас, скрепил наши узы. После всех испытаний, что довелось мне перенести, я стал ценить любое мгновение, проведённое с ними. Сына назвал Арсений, что можно было сокращать до Арс, и получалось ничем не выделявшееся имя в этом мире.

За эти четыре года я ни разу не «исчезал». Занимался воспитанием двоих детей. Ох и намаялся! Что интересно, Арсений унаследовал мои изменения. Он был сильнее, чем дети в его возрасте, сообразительнее, и ему от меня досталась очень хорошая регенерация.

Но и гоблин от него не отставал, он был быстрее и более вёрткий. А также у него была одна страсть. Выражалась она в том, что он мог забраться куда угодно, при этом я чётко знал, что он не боится и делает это осознанно – ему так нравится. Нравится сидеть на крыше дома, залезть на верхушку ели и уснуть там. И это в четыре года! А ещё у него была отличная соображалка.

В четыре года эти два сорванца знали программу третьего класса. Выучили таблицу умножения, освоили простейшую геометрию и физику. Им было интересно буквально всё, и мне приходилось прилагать невероятные усилия, чтобы направить их энергию в нужное русло.

Но в один из дней я услышал зов. И, если честно, растерялся. Отвык как-то от своих «исчезновений». Нет, я всё так же находился в хорошей физической форме, но, так сказать, расслабился, и в итоге все мои вещмешки были давно разобраны. Я метался из угла в угол, то приносил одни вещи, потом уносил, то принёс кольчугу и тут же надел её, но, подумав, снял и убрал. Всё это продолжалось до тех пор, пока Лика не принесла мне собранный вещмешок. Поблагодарив жену и уйдя в лес, так, чтобы ограда дома скрылась из вида, я сосредоточился и как бы послал мысль-«ответ», что я готов. В тот же миг меня стало куда-то уносить. Раз! И вот я в Озёрном крае возле большой крепостной стены, а рядом со мной стоит Натус.

– Папа, что это? – спросил мой приёмный сын.

Я не делал различий между своим и этим ребёнком, вот и стал папой для обоих. И как-то так получилось, что в очередную мою «командировку» отправился и приёмный сын.

– Это? Это крепость! Я тебе рассказывал о них.

Когда я здесь был последний раз, крепость находилась на другом берегу, это была первая линия обороны. Сейчас же передо мной возвышалась стена, идущая на многие километры с юга на запад. Через каждые сто метров возвышались башни, которые были выше стены на добрых пять метров.

Пока я отвечал на вопросы сына, к берегу пристало около пяти лодок с гоблинами, и нас стали окружать. Действия были слаженные: ни спешки, ни суеты, всё тихо и спокойно. «Опытные», – отметил я про себя. И что больше мне понравилось – все были из числа «новых» гоблинов. Интересно, сколько же я по местному времени отсутствовал?

Думаю, хватит просто так стоять, нужно действовать. Натус, вон, уже к ноге жмётся, боится.

– Ирр ру-у ри! Ир риэ РР'а, окоро иг тарэо Тэг! Оро гры Рум Лягушонок!¹ – спокойно произнёс я, чем ввёл воинов в замешательство.

¹ Приветствую доблестных охотников! Меня зовут РР'а, так назвали ваши предки! Позовите шамана Лягушонка! – Перевод приблизительный, так как язык гоблинов сложен в произношении, и передать смысл на бумаге трудно. В языке гоблинов всё зависит от того, с какой интонацией произнести слово, любое неправильное произношение может привести к искажению смысла.

Вообще гоблины долгожители. Бывает, доживают и до трёхсот лет, правда, если это шаман. А так средняя продолжительность жизни у них варьируется от ста пятидесяти до двухсот лет. Но проблема в том, что гоблины очень слабые и часто погибают на охоте или ещё по каким-то неестественным причинам. Вот и получается, что живут они всего лет семьдесят и умирают почти молодыми.

Откуда я это знаю? Да от шаманов и наслушался, и ещё пообщался с почётными жителями клана. Это когда ещё люди не появились в селениях гоблинов. Почётным жителям не нужно было ходить на охоту или участвовать в войнах кланов или в стычках с людьми. Они воспитывали молодняк и делились мудростью прожитых лет, знаниями и опытом. Как становились почётными людьми, я так и не понял, узнал только, что тут опять не обошлось без духов.

Пока я предавался воспоминаниям, а гоблины отходили от услышанного, к нам приблизилась ещё пара. Из них один был учеником шамана, а вот второй – человек. Уж от гоблинов я его отличу.

– Готов ли ты, кто назвался именем РР'а, держать ответ? И откуда у тебя ребёнок народа Озёр?

– С кем говорю я, держа ответ перед духами? И как смеешь ты задавать такой вопрос РР'а?

– Требуха илима!² – выкрикнул один из воинов. – С тобой говорит ученик шамана, грязный человечиска!

Такие оскорбления сносить нельзя. Как бы ни были цивилизованы гоблины, но их традиции требуют отвечать на оскорбление. Да и не поймут меня в дальнейшем, будут считать что РР'а трусил. Таким вот боком выходит слава.

– Ты, малёк! Только вылупился из икринки, думаешь, плавники выросли? Заткни свой рот! – поворачиваюсь к ученику шамана. – Если я не увижу шамана через четверть часа, то ты очень пожалеешь! Я, РР'а, держал ответ перед вашими предками и духами ваших предков! Ты думаешь, я опущусь до такого, что буду держать ответ пред тобой?!

Нарождающийся конфликт прекратил, как ни странно, Натус. Он захныкал:

– Папа, мне страшно. Пойдём к маме и Арсу! Ты говорил, что гоблины хорошие. Они нехорошие.

– ПА-ПА? – ошалело спросил человек. – Не хочешь ли ты сказать, что это твой сын?

– Да, он мне сын.

– Да врёт он! – вспылил ученик шамана.

– Подожди, И'Щир! – остановил ученика человек.

– Щир, значит! Очень подходит! А «и» великолепно дополняет это имя! – улыбнулся я.

– О чём ты? – заинтересовавшись, спросил человек.

– Об имени ученика шамана.

– А что в нём такого?

– Сначала пусть ответит, кто дал ему имя. – Я улыбался во весь рот, так как знал только одного гоблина, кто мог такое сделать. – Ну? Ты же хочешь знать, что значит твоё имя?

– Его дал мне главный шаман, – несмело ответил ученик шамана.

– И зовут этого главного шамана, наверное, Лягушонок? Так?

Ученик кивнул.

– Ну что ж, тогда слушай, чем тебя он наградил. Звук «и» у вас перед именем означает маленький или, скорее, детёныш.

– Ну, это мы и так знаем! – влез человек.

² Илим – рыба, обладающая очень противным запахом и вызывающая при её употреблении рвотные рефлексы, обитает в Озёрном крае. Часто используется как оскорбительное сравнение.

– Не перебивай! Так вот, звук «и» означает детёныш, а вот кто такой Щир, вы не знаете, так как водится этот зверь далеко на востоке. И кажется, в степях орков.

– И что это за зверь? Почему ему дали такое имя? – спросил один из воинов.

Ага! Интересно?! Ничего, сейчас я над вами посмеюсь, особенно над тобой, ученик!

– О, это очень интересный зверь! Во-первых, он отличный хищник, равных которому практически нет, за исключением степных волков. Во-вторых, у него потрясающий нюх, и он хорошо видит в темноте.

– Тебе досталось достойное имя, – высказался человек, обращаясь к ученику, на что я только хмыкнул. – Ты хочешь сказать, что это не так?

– Ну почему же, всё так. Только речь идёт о детёныше щира. Не забывайте о приставке «и»! Понимаете, детёныш щира на редкость крикливое существо, которое до определённого возраста боится всего. И когда детёныш испугается или ему что-то не понравится, он начинает верещать, да так противно, что зубы сводит! Вот и получается, что тебя, ученик шамана, прозвали тем, кто по каждому поводу верещит до зубной боли, но в будущем, возможно, ты станешь опасным хищником. – Вот теперь я уже про себя просто хохотал, так как увидел на лице гоблина растерянность и непонимание. – И, судя по твоей растерянности, ты догадываешься, почему тебе дали такое имя. А знать об этом мог только Лягушонок, только ему я рассказывал о столь забавном факте. Ну что, и дальше будешь вести себя, и Щир, как и прежде, или вырастишь в Щира? Ладно, закончили представление. Зовите шамана, а лучше сразу Лягушонка! Я не намерен долго ждать.

– Не надо никого звать! Я шаман! – высказался человек, чем очень меня удивил.

– Удивил! Давно ли человек стал шаманом? – Я по-новому взглянул на нового знакомого.

Широкоплечий, высотой метр восемьдесят. Руки чуть длиннее, чем у обычных людей, но примеси гоблинской крови не чувствуется. Лицо скуластое с прямым узким носом, прям не нос, а клинок. Глаза светло-голубые, будто лёд. На вид лет тридцать, но могу и ошибаться, так как он шаман, а эта братия, как я говорил, живёт дольше других. А вот волосы чёрные, что в сочетании с глазами выглядит необычно.

– Уже тридцать лет. Лягушонок – мой учитель. Я с самого детства у него.

– Давай уточним. Тридцать лет – как ты шаман, или же ты считаешь от самого появления у Лягушонка?

– Нет, тот, кто назвался РР'а, я живу у главного шамана тридцать лет, и он всегда считал меня шаманом.

– Хорошо! Пусть духи мне будут свидетелями, я не хотел обидеть тебя, шаман! – извинился я.

– Я услышал тебя! А теперь пойдём за мной! А ты, и Щир, задумайся над тем, что сказал тебе РР'а! Лягушонок предупреждал меня, что придёт тот, кто изменит твоё имя, а до этого дня он ничего мне не рассказывал, и я не знал, что оно означает. И как он тебя всё же наказал!

Мы проследовали в лодки, и всё это время я держал Натуса на руках. Высадившись на другом берегу, мы пошли на запад. Идти пришлось с полкилометра, а лодки подняли на стену, для этого были сброшены верёвки.

Ворота были сделаны на совесть. Обтёсанные брёвна как-то умудрились скрепить наподобие створок, а потом это всё прикрепить к стене. Толщина такой створки была почти метр. Это кто же такой умелец? При этом открывались эти створки со страшным скрипом, а за первыми воротами был туннель длиной метров пять, где в конце были ещё одни ворота.

Как я и предполагал, длина туннеля была равна его ширине. Не знаю, как там Великая Китайская стена, но конкретно вот эта стена вызывала чувство восхищения и благоговения перед такой мощью.

Сразу за вторыми воротами было пустое пространство, метров сто, то есть все постройки находились на отдалении от стены. Удивительно, как правильно это спланировали, такое рас-

положение позволит сохранить строения в целостности при обстреле из катапульт, а также позволит войскам быстро перемещаться вдоль стены при её обрушении. И на этом пространстве можно разместить резервы или выстроить лучников для обстрела навесом штурмующих.

Пройдя пустое пространство, мы вошли под тень построек. И пока шли, я понял, что и тут врага ждёт сюрприз: мало того, что, войдя, мы оказались не на широкой улице, но по мере того, как шли, почти через каждые сто метров в разные стороны уходили ещё улочки. Это мне напомнило дерево: вот ствол, а от него в разные стороны уходят ветки. Сейчас же мы шли по главной улице – «стволу» этого селения.

Первыми постройками были склады, в которых находились запасы камня, известняка и прочих полезных ископаемых для ремонта стены и возведения метательных машин. Далее шли казармы, а затем только уже жилые постройки. Продовольственные и оружейные склады находились в центре поселения, куда и повёл нас шаман. По дороге мы видели марширующих строем гоблинов-воинов и чем-то занятых гражданских жителей. И что примечательно, в большинстве жители были смесками, чистокровных было немного. Ещё меньше нам попадалось людей. Особой вражды между ними я не заметил, но сразу такие вещи и не увидишь, нужно пожить в обществе.

Пройдя через площадь, мощённую камнем, мы подошли к трёхэтажному зданию с колоннами – это единственное, что отличало его от всех остальных. Дверь нам открыл гoblin, вооружённый мечом, и попросил следовать за ним. Шаман же вошёл в кабинет, расположенный справа от входной двери и даже ни слова нам не сказал. Нас провели по коридору, потом мы поднялись по лестнице на второй этаж и вошли в просторный зал.

Кабинет или комната, в которой мы оказались, была обставлена со вкусом. В середине друг против друга стояли два дивана, между ними – небольшой столик, по бокам которого находились удобные кресла. Окна завешены тёмно-зелёными шторами, что вкупе с тёмно-фиолетовым окрасом стен смотрелось хорошо. Создавалось некое подобие моря, особенно когда занавески колыхались от дуновения ветра. На каждой стене висело по два светильника, выполненных в виде чаши, подвешенной на цепях к эдакому крану, прикреплённому к стене. В чашах было налито ароматное масло, которое при горении испускало тонкий запах благовоний. Вот как сейчас. Ковров не было, но был шкаф с чем-то похожим на рукописи или же свёртки выделанной кожи. Это меня немного заинтриговало, так как последний раз, когда я был у гоблинов, писать и читать они не умели. Да и не было на чем писать. Это ж что произошло, что всё так изменилось? А ещё лучше бы узнать, сколько вообще прошло времени, что всё так изменилось.

От размышления меня отвлек звук открывшейся двери. Сначала вошли два воина и, встав так, чтобы контролировать мои перемещения, сообщили, что можно входить остальным. Те входили не спеша и с достоинством. Все были гоблинами, солидными, что было видно по их одеянию и отличительным отметкам. Воины выставили напоказ шрамы на руках, шаманы же держали в руках небольшие жезлы, чем-то смахивающие на наши древние булавы или перначи. Только с одним отличием – на месте навершия были изображены тотемы кланов.

Всего вошедших было два десятка. Когда вошёл последний шаман, слуги внесли пару лавок и с десяток стульев, расставив их вдоль стен. Как только все расселись, слуги тихо вышли из кабинета, но дверь за собой не закрыли. Сразу же в неё вошёл человек, а точнее, шаман, который встречал меня у стены, ведя под руку моего старого знакомого.

– Приветствую тебя, РР'а! – поклонился мне Лягушонок, вежливо отстранив от себя человека.

– А нужны ли мне такие почести от старого друга, ИррыИ'Эр'Иро?³

– Как узнал?

³ ИррыИ – племя охотников. Эр – охотящиеся под сенью деревьев. Ир – семья, живущая на границе. Последняя буква означает титул.

– Было не сложно. Зачем скрывал?

– Тебе не понять! – вздохнул Лягушонок. – Присаживайся, РР’а, разговор будет не из лёгких. Всегда ты приходишь, когда появляются проблемы у народа Озёр. Поможешь?

– Смотря какие проблемы. И в чём нужна помощь. Помощь ведь тоже разная бывает. Но условия ты знаешь.

– Знаю! Поэтому и собрал здесь всех почётных жителей! Это он? – Лягушонок указал на Натуса.

– Да, он, МОЙ сын! – выделил я слово «мой», чтобы зарубить на корню какие-либо поползновения. – А теперь рассказывай. И можно нам чего-нибудь перекусить? Я-то ладно, а вот малышу поесть надо.

– Конечно-конечно! Сейчас всё принесут. Всё, как ты любишь. Ты, смотрю, совсем не изменился.

– Что верно, то верно. А вот тебя время не пощадило. – Я уже давно заметил, что не старею, даже когда живу несколько десятков лет в одной «командировке». Даже живя с женой, чувствую, что не старею, как было мне двадцать семь лет, так и осталось. Как я могу это чувствовать? Не знаю, но чувствую. Это в дальнейшем будет большой проблемой при общении с Ликой. – Много прошло? – уточнил я.

– Много! – И Лягушонок поведал мне историю. Занимательную, надо сказать.

После моего исчезновения люди в течение десяти лет пробовали нападать на жителей озёр лишь малыми отрядами (что-то у них не заладилось в войне с другим королевством), но бестолку. У гоблинов было неоспоримое преимущество – они знали здесь каждый камень и очень хорошо умели прятаться, устраивая засады и атакая с тыла. И за это время гоблины успели подготовить оборону, возводя линии укреплений. Частично удалось построить стену из камня, из брёвен же строили там, где был крутой берег. Десять лет гоблины исполняли мои заветы. Было трудно, даже очень, но они справились. Некоторые женщины не выдержали рожать в год по ребёнку, но таких было мало.

За десять лет гоблины ещё пару раз совершили набеги, где действовали по уже отработанной методике. Познакомились с морем и познали его в гневе, а также развили некоторые ремёсла.

А через десять лет люди пришли в Озёрный край большим войском и, не останавливаясь, стали продвигаться вглубь земель, пока не напоролась на преграду. Тогда был страшный бой, где погибло очень много гоблинов, но ещё больше людей. Всё же оборонять стену легче, чем штурмовать. Вот тогда-то многие благодарили меня, что я велел женщинам рожать.

Люди отступили, так и не взяв стену и даже не проверив, есть ли где возможность её обойти. А таких возможностей было много, но, видно, командующий той армией не ожидал от зелёных коротышек умения сражаться, за что и поплатился. Гоблины же праздновать свою победу не спешили, а, наоборот, принялись с удвоенной энергией возводить стену.

Постройка стены у гоблинов заняла сто лет и то только потому, что одна из рек брала своё начало в горах, где по указанию одного из людей добывались камни. Камни по реке и доставлялись к строительству. Не везде это было сделать легко. Но гоблины не сдались, они поняли, насколько легче доставлять камни по реке, нежели по суше, и принялись соединять озёра. В течение всех ста лет, что строилась стена, рылись каналы. Так появилась сеть соединённых между собой каналами озёр и рек. Каналы были небольшие, но это принесло много положительного, и главным было то, что теперь можно было по реке быстро перевозить войска и доставлять товары в человеческие селения.

К ремёслам добавилось кораблестроение. Гоблины оценили все преимущества жизни у моря. Да, сначала строительство морских судов выглядело жалкими потугами, но со временем корабли и лодки получались всё лучше и лучше, и с каждым разом их грузоподъёмность и вместительность увеличивалась.

А один клан гоблинов научился добывать горячее масло из земли. Появился ещё один источник дохода и неприятный сюрприз для врагов. Также благодаря этому маслу появились светильники.

Не забывали гоблины о травах и ягодах. За кустами и полезными травами тщательно ухаживали и старались пересадить на более плодородную почву. Так развилось земледелие.

Смески на удивление очень хорошо прижились у гоблинов, как и люди. Потом кровь смешалась, и сейчас фактически во всем Озёрном крае нет ни одно чистокровного человека. Смески были выше гоблинов и достигали роста в сто семьдесят сантиметров, более худые, чем люди, более быстрые и обладали небывалой гибкостью.

Количество шаманов в крае значительно возросло, так как шаманы, набирая себе учеников, не делали различий по расовой принадлежности. Что интересно, более сильными шаманами становились смески и человеческие девочки.

Торговля развивалась семимильными шагами. Гоблины осваивали новые ремёсла и новые горизонты. Так, например, один новый клан переселился на остров в море, в дне плаванья от берегов Озёрного края, и кроме рыболовства занялся там разведением местных овец, чем-то похожих на земных зубров, из шерсти которых получались тёплые вещи.

Развилось образование. Все шаманы были обязаны научиться считать и писать. За основу взяли арабские цифры, которым я научил Лиса и Лягушонка. С письменностью же возникло много сложностей, пришлось шаманам учить русскую речь, чтоб они смогли на моём языке говорить и писать. А далее пошла цепная реакция, так как письменности стали обучать ещё и уважаемых жителей, и весь процесс обучения лёг на плечи шаманов.

Так прошло ещё сто лет, и вроде бы всё было хорошо, старый враг давно не напоминал о себе, торговля идёт, численность гоблинов растёт, и раса гоблинов встала потихоньку на путь просвещения и процветания. Но, видно, врагу не понравилось, что его сосед выполз на политическую арену, и он решил претворить свою идею двухсотлетней давности в жизнь и напасть. Уж очень ему нужен выход к морю, а ближайший был как раз у гоблинов.

– Меня не было двести лет? – Я был удивлён не на шутку. Во-первых, тогда Лягушонок ещё хорошо сохранился, а во-вторых, я никогда так надолго не пропал.

– Мне незачем обманывать тебя, Е’рГор! Сейчас народ Озёр силён, как никогда, но враг не слабее нас, все эти годы он копил силы. Мы посылали многих воинов в земли людей, странствовать и учиться воинскому мастерству. Кто-то вернулся, кто-то нет. Те, что вернулись, стали р’А сотен и тысяч воинов.

– Так от меня вы чего хотите? Вас защищает стена. У вас есть горячее масло, есть воины и опыт этих воинов. Лягушонок, я понимаю твою веру в меня, но я не всемогущ.

– Ты уже не раз приходил к нам в то время, когда мы не видели выхода. Духи благоволят тебе и советуют нам слушать тебя и верить тебе!

– Опять эти духи!

– Да, Е’рГор, духи! Духи ещё ни разу не ошиблись. Так что, РР’а, повелевай.

– Тогда начнём с простого: все, кто здесь сидят, они кто?

– Уважаемые жители, каждый ответственен за что-то своё! Здесь собрались представители всех ремёсел, а также р’А тысяч. Присутствует и шаман клана Току.

– Это кто такие? Что-то не помню такого клана.

– Это вновь образованный клан, который живёт на острове в море.

– Понятно. Вы собрались здесь, чтобы познакомиться со мной или решать дела? – обратился я к уважаемым жителям.

– Мы собрались здесь для знакомства, но одно другому не мешает, так что можем начать работать, – сидя ответил за всех воинов, по выставленным напоказ шрамам – опытный. В каждом ухе по два кольца, оружия нет. Понять, кто он, не могу, не привык общаться со смесками в таком возрасте.

– Как зовут тебя, охотник? – Я намеренно употребил старое обращение.

– Зур, РР'а! Р'А тысячи воинов с мечом!

Я подошёл к нему, но он так и не поднялся. Что ж, придётся напомнить ему некоторые правила, введённые мной двести лет назад.

– Встань, Зур, р'А тысячи воинов с мечом! – приказным тоном обратился я к нему, на что он лишь усмехнулся. – Зур, ты понимаешь, что я старше тебя, как по званию, так и по возрасту?

Дальше я не стал разговаривать, а ударил ногой в грудь гоблину. Не ожидавший такого развития событий, гоблин улетел вместе со стулом к стене. Я же, не опуская ноги, ударил по голове и рядом сидящего. Минус два. Отпрыгиваю к двери и, выхватив два кинжала, вонзил их в ноги опомнившимся воинам, стоящим там. Разворот – и выдернутые эти же кинжалы попадают в руку одному из шаманов и в плечо человеку. Теперь выхватываю из-за спины свой меч и наношу удары им, стараясь никого сильно не ранить и уж тем более не убить. А порезы и уколы для гоблинов – это их гордость.

Через десять минут всё было кончено, не досталось только Лягушонку и Натусу. Сын на меня смотрел влюблёнными глазами: ещё бы, его папка уделал всех! А не дрался я давно, некоторые удары были не совсем точны, нужно потренироваться.

– Надеюсь, ты им объяснишь, за что и почему? – обращаюсь к Лягушонку.

– Да.

– Тогда можно мне и моему сыну организовать отдых? Завтра с утра жду всех на совещании, на котором мне должны представить точное количество воинов, оружия, припасов, кораблей, метательных машин, стрел, с кем ведётся торговля и что получаете взамен. Я должен знать всё. – И я вышел из кабинета, за дверью которого стоял воин, заглянувший было на шум и моментально ретировавшийся, наткнувшись на взбешённый взгляд Лягушонка, направленный на него.

Комнату нам выделили на этом же этаже. Принесли бочку с водой, принадлежности для умывания. Заставив сына принять водные процедуры, уложил его в кровать и занялся собой, после чего тоже завалился спать.

Утром меня разбудил воин-смесок, странно поглядывая на меня. Всё время, что я занимался умыванием и одеванием Натуса, он сверлил мне взглядом спину и всё мялся. Это несколько отвлекало от раздумий по поводу предстоящего собрания.

– Ну что? – не вытерпел я, когда Натус был приведён в порядок. – Что тебе нужно? Что так странно смотришь на меня?

– РР'а, я хочу быть в десятке вашего охранения.

– Чего? – немного ошалел я.

– Я хочу быть в десятке вашего охранения! Главный шаман распорядился выделить один десяток воинов, который будет охранять вас! И ещё подготовить для вас личную сотню.

– Ты ничего не путаешь? Тебя как зовут?

– Гирт, РР'а, – расплываясь в улыбке, ответил воин.

– Был один Гирт, которого я знал, но ты на него не очень похож. Правду говори! У вас, у гоблинов, не принято два раза называть одним и тем же именем. Хоть небольшое, но отличие должно быть. Так кто ты?

– Я – Гирт. Мне это имя дали при рождении, – сказал гоблин поникшим голосом. – Вы знали моего дедушку. В честь его меня и назвали, поправ традиции. А я – не он! У меня должно быть своё имя! Своё!

– И что?

– А то, что я должен это имя заслужить! Моё основное имя-то никуда не делось!

Вот ведь эта чёртова традиция!

– Я имел в виду, если тебя называли Гиртом, я-то тут при чём? Хочешь, чтобы я, так же как и Ширу рассказал, что оно значит, или попробовал его сменить?

– Я хочу служить в десятке вашего охранения, чтоб заслужить себе новое имя.

– Ну, ты дурной! И почему ты думаешь, что заслужишь себе другое имя? А главное, почему думаешь, что сможешь заслужить его в десятке охранения? Я ведь в битвах принимать участие не буду, и, собственно, угрожать мне мало что будет. Будешь от своих сородичей защищать?

– Но как же так?

– Эх ты! Что с дедом-то случилось?

– Погиб. Когда люди пришли большим войском, он сдерживал стену со своей тысячью... Погибли почти все, но стену удалось отстоять.

– Вот! Твой предок совершил великий поступок. Тебя назвали в его честь. Так гордись этим именем и не опозорь его! А ты его хочешь сменить. Зачем? Если твой дед совершил подвиг, прославив своё имя, почему бы тебе не приумножить славу этого имени?

– Я не думал об этом. – Гирт был шокирован и озадачен. Ведь у гоблинов традиции – святость. Они не верят в богов, но чтут традиции и духов предков.

– Но твою просьбу я выполню. Ты будешь моей правой рукой. Ты будешь всегда со мной, куда бы я ни пошёл! Как у вас будет рука? Нет, рука не пойдёт, а вот плечо на вашем языке – в самый раз. Красиво звучит – рок'Хо! Вот и будет у тебя возможность или ещё прославить имя предка, или сменить его.

– Сменить смогу только в том случае, если не справлюсь? – скорее для себя самого спросил гоблин.

– Да. Всё, хватит болтать, пошли на совещание. Веди. Новоиспечённый рок'Хо повёл меня в тот же зал, где мы были вчера. Гоблинам незнакомо слово «разнообразие», раз это зал для совещаний, значит, совещаться нужно только там.

В зале меня встретили угрюмые и настороженные лица. Я непроизвольно ухмыльнулся: прямо нашкодившие щенята. Ну-ну. А то я не понял, что они специально провоцировали меня, не верили главному шаману. Ага, как же, великий и ужасный РР'а! Кто его видел, да и когда это было?! Увидели? Прониклись? Вот будете теперь знать!

– Ну что, поняли за что? И почему? – обращаюсь ко всем, но смотрю на Зура.

– Да, – раздался нестройный хор голосов.

– Вот и хорошо. Да, раз у нас угроза войны, думаю, не нужно объяснять, что это значит? – опять смотрю на Зура.

– Не нужно. Мы помним твои законы и чтим заветы, – ответил тысячник воинов с мечом.

– Тогда предлагаю начать совещание. Надеюсь, вы готовы? Гирт, а ты куда? Я, кажется, говорил, что ты теперь ВСЕГДА должен быть рядом со мной.

– Но это совещание... А я... – попытался возразить гоблин.

– Так, уважаемые, с этого дня вводится новая должность – рок'Хо. Это будет мой личный помощник, если он что-то говорит вам или просит, считайте, что это сказал или попросил я. Уяснили?

– А вдруг он... – начал было Зур, но я его перебил:

– Никаких но! За обман наказание сами знаете какое. Всё, рок'Хо, приступаем.

Следующие десять дней слились воедино. Дела сыпались на меня, как песок из дырявого мешка.

Сначала выяснил, сколько воинов есть у гоблинов. Оказалось, примерно пять тысяч. Я обрадовался, но, как оказалось, рано. Пять тысяч вместе с теми, кто ходит на кораблях. А так всего тысячи три.

Потом узнал, сколько имеется запасов продовольствия, но тут хотя бы было всё нормально. Пришлось, правда, приказать, чтобы больше не продавали продовольствие другим странам, а, наоборот, закупали там и всё свозили к гоблинам, равномерно распределяя по их поселениям.

Запасы оружия были, но не такие, чтобы вооружить всех. У гоблинов было как у казаков: на войну воина собирала его семья. Что дадут, в том и шёл воевать. Нам это не подходит, а следовательно, ещё один приказ – о закупке амуниции и оружия для воинов. Но упор делать на ростовые щиты и большие копья, а также маленькие мечи наподобие гладиусов.

Потом отдал распоряжение Гирту, чтобы он отобрал среди своих знакомых сотню гоблинов, которые одинаково владеют и мечом, и копьём. Кузнецам было заказано изготовить по моим чертежам копья и щиты, а также, совместно с плотниками, арбалеты.

Было принято решение и о наборе и подготовке ополчения. Так как сражаться умели все гоблины, дело было только в организации взаимодействия и умении сражаться в строю.

Когда рок'Хо отобрал сто гоблинов, я приступил к их обучению. Чему можно обучить воинов, сражавшихся не один десяток раз? Многому. Для начала я решил обучить их строевой: перестроение, взаимодействие при марше, маршировка. Во всё это вплелось то, чему я научился во время «командировок». Строевая в данном случае очень полезна. И пусть отобранные умели сражаться в строю, мне нужно было, чтобы они научились делать всё синхронно, на интуитивном уровне, зная, когда сбавлять шаг, а когда делать его длиннее. Даже на Земле строевой отдавали должное внимание. А во времена средневековья так и вообще она была жизненно важной подготовкой для солдат.

Как обучить толпу в сто гоблинов маршировать? Я разбил их на десятки и занимался с каждой в течение часа, остальные в это время бегали с утяжелителями на руках и ногах, а в руках у каждого был ростовой щит, сколоченный из толстых брёвен, и копьё, похожее больше тоже на бревно.

На всё обучение строевой я выделил неделю, делами занимался прямо на плацу, попутно следя за марширующими. Успехи были, хоть и не такие большие. Слаженности удалось добиться в одном десятке, эти воины сразу же стали десятниками у других.

Пока я занимался муштрой, стали возвращаться первые корабли с важными новостями. Выступление противника планируется через два месяца. Получается, через три месяца мы увидим врага под своими стенами. Вернее, перед первой линией обороны. Время пока есть.

Я решил сделать ставку на некоторую неожиданность и на слаженность действий своей сотни. А также на выучку гоблинов, их успехи в освоении водного транспорта и ещё на много всяких факторов.

Через месяц кузнецы сделали вооружение для сотни: гладиусы, арбалеты, щиты и копья. Щит был точной копией римского skutuma, за исключением одного отличия: с правой стороны был небольшой вырез, паз, служивший вставкой для копья. Копьё было чуть длиннее, чем обычно пользовались гоблины, с противовесом на другом конце в виде шипа. На трети длины древка также было сделано небольшое крепление, позволяющее, если копьё находится в пазу щита и задним концом упёрто в землю, удержать щит при ударе.

После того как воины получили обновлённое вооружение, пришло время самых трудных тренировок, в которых мне предстояло обучить гоблинов пользоваться тем, что я придумал. Вроде ничего сложного, но намучился я изрядно.

Перво-наперво объяснил, для чего нужен вырез сбоку щита. Потом растолковывал, что если копьё вложить в паз и продвинуть, или как бы вынуть его до крепления на древке, а затем упереть конец копья в землю, то увеличится устойчивость.

Пришлось следить за тем, чтобы воины при построении держали щиты внахлёт, то есть левый край должен захлёстывать правый у стоящего слева воина, так как правый край удержит копьё. На всё про всё ушла неделя, пока не началось построение «черепаша».

Но была у меня ещё одна придумка. В этой сотне было двадцать арбалетчиков. Основным их оружием были, естественно, арбалеты, но также имелись мечи, чуть длиннее, чем гладиусы, и щиты, похожие на шотландский тарч. Арбалетчики всегда находились в центре построения.

Во все остальные организационные вопросы я старался не лезть. Зачем? Двести лет жили без меня, думаю, и сейчас проживут. Но всё равно несколько раз пришлось вмешаться, например, в то, что ни в коем случае не привлекать к войне рыбаков. Кто будет снабжать войска провиантом? И клан, занимающийся добычей горючего масла, тоже не должен участвовать в сражениях, его задача – удвоить поставки масла в войска. Матросам находиться на кораблях и ждать команды, когда выступать, и без команды ни в коей мере на сушу не лезть. И всё в таком же духе.

Необходимо было ещё уделять время Натусу и рок'Хо. Что интересно, Гирт очень сдружился с Натусом. Чем уж привлек воина мой сын, непонятно. А ещё я увидел, как Гирт вроде бы тайком учит Натуса владеть мечом, но и малыш не оставался в долгу – учил того по мере своих сил травоведению. Хотя чему мог малой учить, я не знаю, по травоведению у нас мама больше знаток.

Хоть мы и были готовы к тому, что скоро придёт враг, но весть, что войско людей вошло в Озёрный край, пришла неожиданно. Тотчас были с приказами и донесениями посланы в разные стороны гонцы. Партизанским отрядам вменяется всё время держать противника в напряжении и атаковать при первой возможности, после чего сразу отступать – это тактика быстрого наскока и такого же быстрого отступления. По всем руслам рек должны курсировать корабли гоблинов, которые будут стараться замедлить продвижение армии и всячески мешать переправам. А то, что армии людей не раз придётся переправляться через реки, я знаю точно. Чего только стоит река, которая течёт от южных гор до западных вдоль всей стены, первой линии обороны. От западных гор она проходит немного в стороне и впадает в море. И ведь сначала им нужно пройти лес, в котором нет дорог, лишь речушки, по которым не проплыть, так как там полно коряг, а русла иногда бывают шириной всего два метра. Потом придётся перебираться через многочисленные озёра, протоки между ними и каналы. И только потом они подойдут к самой большой реке, за которой стоит стена.

Если честно, мне не понятно, как они собираются брать штурмом стену. Ведь река в самом своём узком месте не меньше ста метров. Вот в этом месте я и ждал «гостей».

Хуже нет ничего, чем ожидание, но и оно когда-нибудь подходит к концу. И вот я стою на стене, в километре от нас, чуть выше по течению, встали два корабля с лучниками, а напротив меня на другом берегу человеческая армия разворачивает лагерь. По подсчётам разведки их около тридцати пяти тысяч против наших десяти, без учёта флота. Если же учесть и моряков, то получается где-то тринадцать тысяч. Негусто.

Когда наступил вечер и войско противника более-менее разместилось, вырубив вокруг себя почти весь лес, мы приступили к осуществлению моего плана. А план был прост – не давать противнику расслабляться.

На крепостях засуетились расчёты метательных орудий. Ровно в полночь к лагерю противника должны подойти корабли и начать его обстрел, потом они отойдут, и обстрел будет продолжен уже требушетами...

Порядок в лагере противника восстановился только к обеду. Ночной обстрел получился даже лучше, чем предполагалось. Вражеская армия отошла подальше от реки. Снова застучали топоры, оглашая, казалось, весь Озёрный край, что строятся плоты и катапульты.

В этот и на следующий день штурма не было, да и мы не нападали.

А через два дня утро началось с того, что в воду упал камень, не долетев до нашего берега где-то с пяток метров. Потом ещё один и ещё. А через час все камни уже попадали в стену. Мы не отвечали, по моему замыслу нужно было, чтоб стену они всё же разрушили, но не сразу. А ночью мы опять устроим им «весёлую» жизнь.

Опять в полночь один корабль подошёл к вражескому берегу, и с него в сторону катапульт устремился рой горящих стрел. Гоблины хорошо видят в темноте, хотя не так далеко,

как днём. Вот и пришлось использовать корабль. Когда все семь катапульти были освещены воткнувшимися в них пылающими стрелами, в дело вступили расчёты баллист и требушетов.

В эту ночь лагерю противника довелось испытать на себе и сюрприз – горшки с горящим маслом.

Через два дня люди не только возобновили обстрел, но и попробовали штурмовать стену. Обстреливать плывущие плоты я запретил, так как их было не так уж и много, и мы вполне можем отбить атаку. Так и вышло. Стену люди штурмовали без энтузиазма, а когда мы опрокинули с десятков лестниц, враг отступил.

Неделю продолжалась вся эта канитель, пока однажды при попадании очередного камня в стену не появилась трещина. Вот тогда катапульти противника заработали с удвоенной силой. Гоблины недоумевали, почему я позволяю врагу рушить с таким трудом возведённую ими стену. Я лишь отмалчивался и давил авторитетом, что так надо. Потом поймут.

Всё население уже давно было переправлено за вторую линию обороны, такую же стену, находящуюся на расстоянии дневного перехода от первой. Туда же вывезли большую часть катапульти и всё, находящееся на складах, оставив только несколько обозов с месячным пропитанием. Разобрали и все жилища, за исключением каменных.

Когда рухнул кусок стены, я глубоко вдохнул, а потом тихо выдохнул. Начинался самый опасный этап моего плана. Противник в этот день на штурм не решился, готовя плоты для переправы и понтонный мост. Как раз то, что я хотел.

На следующее утро вражеские воины начали переправу, около трёхсот плотов с воинами стали приближаться к нашему берегу, несколько плотов тащили за собой верёвку.

– Гирт!

– Да, РР'а?!

– Передай Зуру, чтобы готовился встречать «гостей». Расчётам метательных машин стрелять только по плотам! Ты понял, по плотам! Ни в коем случае не стрелять по мосту, который они протянут!

– Я понял, РР'а.

– Выполнять!

– Тысячника лучников ко мне! – крикнул я, зная, что кто-то тут же помчался разыскивать требуемого мне гоблина.

Через две минуты передо мной стоял немолодой смесок, с которым я ещё не был знаком.

– Как зовут?

– Зоркий Кор!

Ух ты, заслужил третье имя! Его просто так у гоблинов не дают. Значит, действительно хороший лучник, так как птица Кор – это как у нас орёл или сокол. Но вот возраст?!

Мои размышления прервал Зоркий Кор:

– Я из первых, поэтому так и выгляжу.

– Тебе уже двести лет, а ты всё ещё сотник?

– Так не хочу я этими командовать!

– Понятно. Короче, бежишь к своему командиру и говоришь, чтобы его воины стреляли куда угодно, но только не в тех, кто крепит мост. Ясно? Хотя нет. Пусть стреляют изредка, так, парочку или пяток людишек убьют, но не больше. Понял? Вот и молодец. Вопросов почему не задаёшь?

– Я слишком много наслушался от матери, какой ты, РР'а. И просто так ты ничего не приказываешь и не делаешь.

– Кто была твоя мать?

– Та, которая легла под полуэльфа, как ты его назвал.

– Даже так. Презираешь?

– Нет. Мать рассказывала, что так у неё и шанса на выживание не было, а на счастливую жизнь и вообще не рассчитывала. Я пошёл?

– Иди.

Дальнейшие события развивались по такому сценарию. Воины тысяч копейщиков и мечников, чуть отойдя от пролома, выстроились полукругом и обороняли проход, лучники, находившиеся на стене, обстреливали плывущих на плотках и тех, кто уже ступил на берег.

Вражеские катапульты пристреливались к башням, на которых расположены наши катапульты. Какое-то время был паритет, пока люди не закрепили плавучий мост. После этого гоблины стали отступать, что было оговорено заранее.

Как только через реку перебралось в среднем тысячи три, я отдал команду сменить каменные заряды горшками с маслом. Залп пяти катапульт – и река запылилась, шестая катапульта ударила россыпью камней, внося переполох в ряды штурмующих и снося целый ряд пехоты, идущей по мосту. Потом этот же расчёт удачным попаданием разломал мост.

А после в дело вступили лучники, расстреливая всех на берегу. Подошли два корабля, один из которых стал бить в спину штурмующим, а второй сосредоточил огонь по катапультам и лагерю противника.

Через какое-то время врагу удалось пробить корму одному из кораблей, после чего его экипаж прекратил обстрел и судно стало уходить вниз по течению. Второму кораблю нанесли менее значительный ущерб, повредили мачту и палубу, и капитан этого корабля не стал больше рисковать и тоже уплыл.

Эта битва осталась за нами, всех, кто ступил на наш берег, уничтожили, ну, может, не всех, но большую часть точно. Остальные – кто-то утонул в реке, а кто-то убежал вдоль стены, но там их уже добьют лучники.

Ещё два раза мы отбивали штурм. Во второй противник попытался захватить стену в другом месте, но ничего не вышло. Много лестниц на плотках не перевезёшь, да ещё надо умудриться уцелеть. Пять сотен лучников, стреляющих со стены, – это мощная сила. Штурм был отбит с большими потерями для неприятеля.

Вот после него я и решил, что пора. Под покровом ночи всё наше войско стало тихо уходить ко второй линии обороны. Костры мы оставили горящими да пару сотен гоблинов, которые с рассветом должны покинуть стены.

Командующий вражеским войском, по рассказам оставшихся на стене, на утро отдал приказ о повторе штурма. Какого же было его удивление, когда люди не встретили сопротивления. Но преследовать нас благоразумно не стали, что дало нам шанс добраться до второй стены без потерь.

Глава 4

И вот опять томительные часы ожидания. Вторая линия обороны была укреплена лучше первой – и стены выше, и метательных машин больше, что неудивительно, многие сюда привезли с первой линии. Неприятеля ждёт большой сюрприз, так как на всём расстоянии от первой линии до второй нет ни одного дерева и даже камня, гоблины всё подчистили для строительства стены.

Только бы военкомандующий вражеской армией не решил переправлять с собой метательные машины, башни и таран. Надеюсь этого не случится, ведь гоблины не делились информацией, что у них есть вторая стена и тоже на всю протяжённость их земель. Противник оправдал мои расчёты. Хотя если бы я был на его месте, то, полагаю, поступил бы точно так же, потому что никогда не подумал бы, что есть те, кто решится построить вторую ТАКУЮ стену.

Вражеская армия подошла ко второй линии обороны на второй день. Я представил, как удивились командиры, узрев такой сюрприз в виде стены. Но поздно, с собой они ничего не взяли, а вернуться мы им уже не дадим. Мы легко отобьём штурм, но расправиться с армией в прямом столкновении не сможем из-за малой своей численности. Но реку уже охраняют несколько сотен кораблей, это почти три тысячи воинов, которые просто расстреляют людишек при переправе, и ещё тысяча будет ждать на берегу, с которого они пришли к нам.

Итак, ловушка захлопнулась. Сами того не понимая, командиры вражеской армии завели себя в западню.

Запасы провизии у противника, конечно, есть, но не в таком количестве, как у нас, и непополняемые. Следовательно, нам просто нужно ждать, время решит всё за нас.

За следующие два месяца мы отбили около двадцати штурмов, флот пресекал все попытки переправы, почти не неся потерь, так как метательных машин у врага не было. И в человеческом войске начался разброд и шатание. Люди стали голодать. На третий месяц стену даже не штурмовали. А на четвёртый люди превратились в зверей. Некоторые убивали за любую мелочь, другие стали каннибалами, а те, кто ещё что-то соображал, решились уйти и направились к реке. Как потом нам докладывали, бой был страшным, но страшным он был только для людей. Обессиленные, они под покровом ночи пытались переплыть реку, не зная, что гоблины хорошо видят в темноте и элементарно расстреливали из луков плывущих. Возможно, кому-то и удалось спастись, что мне представлялось весьма сомнительным, так как помимо того, что нужно плыть, необходимо не потерять амуницию, а это лишний вес и дополнительная трата сил. А без амуниции нельзя, ведь ещё неизвестно, что ждёт в лесу.

Разгром армии людей был полный и беспощадный. В живых осталось около двух тысяч человек. Им отвели месяц на восстановление сил, после чего решили отправить на восстановление и укрепление первой линии обороны, а также на рытьё новых каналов. Работу им предоставят, но в общество гоблинов они никогда не войдут, не заслужили, да и, как сказал Лягушонок, духи против!

А потом, вспомнив фразу «Кто с мечом к нам придёт, от меча и погибнет!», я решил, что гоблинам пора показать свою силу и нанести ответный удар, и чем быстрее, тем лучше.

Через полтора месяца после разгрома людей из леса на человеческие земли вышла армия гоблинов. Хорошо организованные и экипированные воины строились в колонны и быстрым маршем шли в сторону столицы. Особого сопротивления мы не встречали. Были небольшие стычки с дозорными отрядами, но существенных потерь нам это не приносило.

Плохо было то, что противник обладал преимуществом – кавалерией. Гоблины же все безлошадные. Хотя я и приказал заводить лошадей, чтоб учить гоблинов и вводить кавалерию в их армию, но дело это трудное, так как гоблины выросли в Озёрном краю, а там не то что на лошади иногда негде проехать, пешком пройти не всегда возможно. Но если здесь всё полу-

чится, придётся гоблинам учиться верховой езде, так как эти земли будут их. Нечего врага оставлять в покое. А себе коня я таки приобрёл, не степной скакун, конечно, но и не деревенская кляча, и дальнейший путь для меня был более удобен.

Гоблинам было строжайше запрещено обижать мирное население, да они и не пытались, так как их законы это не позволяли. Многие из местных крестьян удивлялись такому поведению захватчиков.

И вот мы вышли к столице враждебного королевства. Что я могу сказать? И тут стереотипы сыграли с противником злую шутку. Врагу бы выйти из города да встретить нас в поле, но они думают, что раз мы разбили армию в тридцать пять тысяч, то нас как минимум пятьдесят. А то, что есть хитрости и ловушки, им невдомёк. Нам же сейчас всё это на руку.

Наше войско стало устраиваться напротив ЕДИНСТВЕННЫХ ворот. Сразу были сооружены укрепления вокруг лагеря, вырыт ров, натканы колья и куча всего прочего. Под покровом ночи было также вырыто множество небольших ям, с воткнутыми остриём вверх колышками на дне – всё же главной опасностью для гоблинов является кавалерия.

Не собирался я осаждать город, но и уходить просто так тоже нельзя. Пусть это будет безумием, но мною было принято решение захватить город. Я чётко осознавал, что нас меньше в два раза и что размен человеческих жизней при штурме может быть где-то один к шести, если не больше, это не в пользу штурмующих. И всё же у гоблинов есть одно большое преимущество – это их трава, произрастающая на озёрах и которую, для достижения нужного результата, могут высушивать только гоблины. Вот с её помощью мы и возьмём город. И брать будем ночью. Но пока гоблины возводят катапульты, требушеты и осадные башни.

Через два дня катапульты и осадные башни были собраны. Я приказал поставить один требушет напротив ворот и стрелять по ним. При этом снарядами должны быть горшки с горящим маслом.

Требушет установили на указанном мной месте через полчаса. Окопали его рвом и выставили два десятка охранения. Ещё через полчаса в створки ворот попал первый снаряд. Расчёт трудился вовсю, пуская в сторону города один снаряд за другим.

Ворота уже горели даже без помощи масла. Защитники города и не пытались потушить пожар, видя всю бесперспективность сего занятия. Ясно, что за воротами – решётка, а вот что дальше, мне нужно знать точно. Если всё будет забаррикадировано, то станем действовать по одному сценарию, а если нет, то по-другому.

Как я и думал, решётка за воротами оказалась опущена, а за ней баррикада из разного рода хлама. Даже если выломать решётку, быстро всё равно не пройти, умоемся кровью. Значит, будем действовать по второму варианту.

Через два дня защитники города предприняли попытку вылазки из города. Задумка была хорошей, если бы не одно но. Гоблины хорошо видят в темноте, и то, что люди вымазали всю амуницию сажей, им не шибко помогло. Гоблины взяли всю сотню, не понеся при этом никаких потерь и не дав людям даже зажечь факелы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.